Охота
на
дьявола
Керри Манискалко

Керри Манискалко

Охота на дьявола

Серия «#YoungDetective»

Серия «Охота на Джека-потрошителя», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56360718
К. Манискалко. Охота на дьявола: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-108769-2

Аннотация

Одри Роуз Уодсворт и Томас Кресуэлл прибыли в Америку – столь непохожую на аристократический Лондон. Но, как и у Лондона, у Чикаго есть свои темные тайны: приехав на всемирную ярмарку, влюбленные узнают о пропаже людей и нераскрытых преступлениях.

Пытаясь помочь, Одри Роуз и Томас начинают собственное расследование и сталкиваются с серийным убийцей, подобного которому они еще не встречали. Но установить его личность – только полдела, а поймать и при этом не потеряться в знаменитом «Замке убийств», построенном специально для изощренного умерщвления жертв – задача посложнее.

Смогут ли Одри Роуз и Томас довести это дело до конца, сохранив свои жизни и любовь, или удача покинет их, когда самый безнравственный их противник нанесет последний, убийственный удар?

Содержание

Часть первая. Нью-Йорк. 1889 год 7
Глава 1. Быстрая смерть 7
Глава 2. Как у принцессы 20
Глава 3. Номер 31 29
Глава 4. Шекспириха 40
Глава 5. Призрак из прошлого 50
Глава 6. Страшное открытие 63
Глава 7. Улица Скорби 77
Глава 8. Барон Сомерсет 86
Глава 9. Отчаянная просьба 98
Глава 10. Доставка тела 107
Глава 11. Череп и роза 115
Глава 12. Сюрприз на день рождения 127
Глава 13. Переполох 140
Конец ознакомительного фрагмента. 143

Керри Манискалко
Охота на дьявола

Kerry Maniscalko
Capturing the Devil

© 2019 by Kerri Maniscalco
© М. Максимова, Н. Луц, перевод на русский язык, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Дорогой читатель, за гранью жизни ли, за гранью смерти моя любовь к тебе бесконечна.

Прощай же навсегда, навеки, Брут!
И если встретимся, то улыбнемся;
А нет – так мы расстались хорошо.[1]

«Юлий Цезарь», акт 5, сцена 1. Уильям Шекспир

Прости, прости. Прощанье в час разлуки
Несет с собою столько сладкой муки,
Что до утра могла б прощаться я.[2]

[1] Перевод М. Зенкевича.

[2] Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник.

«Ромео и Джульетта», акт 2, сцена 2. Уильям Шекспир

Окончен праздник. В этом представленье
Актерами, сказал я, были духи.
И в воздухе, и в воздухе прозрачном,
Свершив свой труд, растаяли они. —
Вот так, подобно призракам без плоти,
Когда-нибудь растают, словно дым,
И тучами увенчанные горы,
И горделивые дворцы и храмы,
И даже весь – о да, весь шар земной.
И как от этих бестелесных масок,
От них не сохранится и следа.
Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь.[3]

«Буря», акт 4, сцена 1. Уильям Шекспир

[3] Перевод М. Донского.

Часть первая. Нью-Йорк. 1889 год

Глава 1. Быстрая смерть

Рынок Вест-Вашингтон
Мясницкий квартал, Нью-Йорк
21 января 1889 года

Я открыла дверь, и внутрь экипажа ворвался холодный воздух. Не отрывая глаз от занесенного топора, я неловко шагнула на улицу. Слабый солнечный свет свежей кровью стекал по лезвию, воскрешая в памяти недавние события. Кто-то назовет их кошмарами. Глубоко внутри меня пробудилось чувство сродни голоду, однако я быстро подавила его.

– Мисс Уодсворт?

Лакей, поддерживая меня под руку, окинул взглядом толпу забрызганных грязью людей, локтями прокладывающих путь по Вест-стрит. Я моргнула. Чуть не забыла, где и с кем нахожусь. Почти три недели я в Нью-Йорке, но это мне до сих пор кажется нереальным. Лакей облизал потрескавшиеся губы и напряженно напомнил:

– Ваш дядя просил отвезти вас обеих прямиком…

– Это будет нашим секретом, Родес.

Замолчав, я лишь крепче сжала трость и шагнула вперед,

уставившись в тусклые черные глаза. Топор наконец опустился, с треском перерубив шею. Палач – светловолосый юноша лет двадцати – высвободил орудие и вытер лезвие о заляпанный кровью фартук.

Его засученные рукава и капли пота на лбу мгновенно напомнили мне дядю Джонатана после вскрытия трупа. Юноша отложил топор и дернул тело козла назад, аккуратно отделив голову от шеи.

Я подалась ближе. Меня удивило, что голова не упала с разделочного стола, а просто откатилась к краю большой доски, не мигая уставившись в зимнее небо. Если бы я верила в жизнь после смерти, то понадеялась бы, что животное теперь в лучшем месте. Далеко отсюда.

Я переключила внимание на тушу. Козла привезли сюда уже освежеванным. Его оголенная плоть походила на красно-белую карту, на которой нежное мясо пересекалось с жиром и соединительной тканью. Я поборола желание тихонько перечислить название каждой мышцы и сухожилия.

Я уже месяц не изучала трупы.

– Как аппетитно.

Кузина Лиза наконец догнала меня и взяла под руку, потянув в сторону в тот момент, когда мясник бросил подмастерью через тротуар набитый мешок. Приглядевшись, я заметила под ногами у мясника тонкий слой опилок. Потом их подметут вместе с впитавшейся кровью. Я хорошо знала этот способ благодаря занятиям в дядиной лаборатории и

недолгой учебе в академии судебной медицины в Румынии. Дядя не единственный Уодсворт, которому нравится вскрывать мертвецов.

Рубивший козла мясник прервал свою работу и, окинув нас откровенным взглядом, игриво присвистнул.

– Корсеты я разделываю быстрее, чем кости. – Он поднял нож, не отрывая взгляд от моей груди. – Продемонстрировать, дамочка? Одно ваше слово – и я покажу, что еще могу сделать с такой красивой фигурой.

Лиза рядом со мной застыла. «Дамочками» часто называют женщин предположительно сомнительной морали. Если он думал, что я покраснею и убегу, то сильно ошибся.

– К сожалению, сэр, не очень впечатляюще. – Из ножен на запястье я небрежно достала скальпель, наслаждаясь знакомым ощущением. – Видите ли, я тоже потрошу тела. Но не занимаюсь животными. Я разделываю людей. Продемонстрировать?

Должно быть, что-то в моем лице смутило его. Мясник шагнул назад, подняв мозолистые руки.

– Я не хочу проблем. Просто пошутил.

– Как и я. – Я ласково улыбнулась и повертела лезвие. – Жаль, что вы больше не хотите играть. Хотя я не удивлена. Мужчины вроде вас так напыщенно хвастаются, чтобы компенсировать свою… несостоятельность.

Кузина, потерявшая дар речи, потянула меня прочь. Но экипаж уже уехал без нас, и она тяжело вздохнула.

– Объясни мне, дорогая кузина, почему мы покинули теплый, шикарный экипаж ради прогулки здесь… – Она показала зонтиком на ряды разделочных столов с различными частями животных, завернутыми в коричневую бумагу. – Запах совершенно ужасающий. А общество еще хуже. Со мной никогда в жизни не разговаривали так грубо.

Я придержала свой скептицизм относительно её последнего замечания. Мы больше недели провели на борту океанского лайнера, развлекаясь с карнавальной труппой, известной своей распущенностью. Пять минут знакомства с ее молодым хозяином показали, что он воплощение дьявола. Во многих смыслах.

– Я хотела сама посмотреть мясницкий квартал, – соврала я. – Может быть, он подскажет идею главного блюда. Как ты относишься к жареной козлятине?

– После того, как я увидела, как козлу отрубают голову, или до? – спросила она с таким видом, будто ее вот-вот вырвет. – Ты же знаешь, что для этого существуют поваренные книги? Для вдохновения не нужно таких усилий. Или бойни. Клянусь, тебе не хватает смертей.

– Не глупи. С чего ты так решила?

– Одри Роуз, оглянись. Из всех районов города ты выбрала прогулку по этому.

Я оторвала взгляд от ощипанной курицы, которая планировала вот-вот присоединиться к расчлененному козлу, и, стараясь сохранять невозмутимость, осмотрелась. Кровь мо-

нотонно капала с множества деревянных столов и разбрызгивалась по земле.

Судя по различным оттенкам потеков, улицы не мыли даже после целого дня активного разрубания животных. В трещинах брусчатки змеились алые и черные прожилки – старая смерть встречалась с новой. Запах меди и экскрементов щипал глаза и волновал сердце.

На этой улице смерть была ощутима. Мечта убийцы.

Лиза обошла ведро с прихваченной инеем требухой. Ее теплое дыхание, тающее в холодном воздухе, напоминало пар от кипящего чайника. Не знаю, что раздражало ее больше: количество внутренностей или их почти замороженное состояние. Я поразилась клубящейся внутри меня тьме – той тайной стороне моей души, которая не испытывала и капли отвращения. Возможно, мне требуется новое хобби.

Боюсь, что становлюсь зависимой от крови.

– Серьезно, давай я найму другой экипаж. Тебе нельзя находиться на улице в такую погоду, ты же знаешь, что дядя сказал про холод. И посмотри, – кивнула Лиза на наши ноги. – Ботинки впитывают снег, как гренки суп. Мы тут замерзнем до смерти.

Я не стала смотреть на свои ноги. Я не надевала свои любимые красивые ботинки с того дня, как меня ранили ножом в бедро. Теперешняя моя обувь была из жесткой скучной кожи без изящного каблучка. Лиза права: ледяная влага, пробравшись в швы, намочила чулки и усилила почти постоян-

ную тупую боль в костях.

– Держи вора!

Где-то поблизости засвистел констебль, и несколько человек выскочили из толпы, бросившись в темные переулки, словно чумные крысы. Мы с Лизой отошли в сторонку, чтобы не стать невольными жертвами карманников.

– Жареного поросенка будет более чем достаточно, – добавила кузина. – Перестань волноваться.

– В том-то и дело, что не могу.

Я вжалась в стену здания, когда мимо пронесся мальчишка, он придерживал одной рукой на голове кепку газетчика, а второй сжимал украденные, судя по виду, карманные часы. Следом бежал полицейский, дуя в свисток и лавируя между лотками.

– Я не могу перестать волноваться. День рождения Томаса через два дня, – напомнила я, как будто не сделала этого уже сто раз за последнюю неделю.

Свист констебля и крики удалились, и мы возобновили свою медленную прогулку вдоль мясных рядов.

– Это мой первый званый ужин, и я хочу, чтобы все было идеально.

Мы с мистером Томасом Кресуэллом – моим несносным, но решительно очаровательным партнером по раскрытию преступлений – избегали разговоров об ухаживании и браке. Я согласилась принять их, если он сначала попросит разрешения у моего отца, и не ожидала такого быстрого развития

событий. Мы знакомы всего несколько коротких месяцев – уже пять, – но отчего-то казалось, что всё происходит как должно.

Большинство девушек моего круга выходят замуж в двадцать с небольшим, но я ощущала себя старше, особенно после событий на борту «Этрурии». Получив разрешение, Томас отправил моему отцу письмо с просьбой о личной встрече, чтобы объявить ему о своих намерениях. Теперь отец вместе с тетушкой Амелией едут из Лондона в Нью-Йорк, и время официальных ухаживаний, за которыми последует помолвка, все ближе.

Не так давно при одной мысли о браке меня словно сдавливало невидимыми решетками, а теперь я вопреки всякой логике тревожилась, что что-то может помешать мне выйти за Томаса. Однажды его уже чуть не отняли у меня, и я готова убивать, чтобы не допустить этого снова.

– К тому же… – Я достала из сумочки письмо от парижского шеф-повара и игриво помахала им перед Лизой. – Мсье Эскофье особо подчеркнул, что надо приобрести лучший кусок мяса. И не дяде же с больной ногой мучиться, – добавила я, чуть сильнее опираясь на трость. – Так что давай беспокоиться об этом буду я.

Лиза уже готова была поспорить, но, зацепившись взглядом за нависший над нами конвейер, молча поднесла к носу надушенный платок. Мимо нас ползла лента с крюками. Бесконечная петля щелкающих шестеренок и лязгающего ме-

талла, на которую мясники подвешивали крюки с мясом, вносила свой вклад в уличный шум. Лиза задумчиво смотрела, как отрубленные конечности рывками продвигаются в здания, где их, без сомнения, продолжат рубить.

Скорее всего, она подыскивала еще одну причину, по которой мне следовало остаться дома и лежать, но я и так достаточно отдохнула за те недели, что мы находились в Нью-Йорке. Нет необходимости выслушивать от других, что я могу делать, а чего больше не могу. Я и сама прекрасно это понимаю.

И хотя я действительно хотела, чтобы восемнадцатый день рождения Томаса стал особенным, меня мучило не только это. Дядя не разрешил мне покидать бабушкин дом, опасаясь, чтобы я не повредила ногу еще больше, и я сходила с ума от безделья и скуки. Праздник пойдет на пользу не только Томасу, но и мне.

Однако я была благодарна кузине: они с Томасом по очереди развлекали меня чтением вслух моих любимых книг и игрой на фортепиано. Они даже поставили несколько пьес, которые в равной степени меня развеселили и ужаснули. Кузина обладала голосом соловья, а вот пение Томаса удручало. Мартовский кот и тот берет ноты приятнее. По крайней мере это доказывало, что и его способности не безграничны, а это меня бесконечно радовало. Без Лизы с Томасом и моих книг все было бы гораздо хуже. Путешествуя по страницам романов, я не горевала по тому, чего мне не хватало.

– Повара твоей бабушки способны сделать покупки в соответствии с указаниями мистера Ритца. Разве не они порекомендовали нам мсье Эскофье? Это не то зрелище, которое стоит видеть перед примеркой платья. – Лиза кивнула на глаза, которые выковыривали из головы козла и складывали в миску, одновременно вспарывая его живот, чтобы удалить внутренности. – И не важно, насколько ты привычна к виду крови.

– Смерть – часть жизни. Наглядный пример. – Я дернула подбородком в сторону свежего мяса. – Останься козёл в живых, и мы умрем с голода.

Лиза сморщила носик.

– Или просто научимся питаться растениями.

– Героический поступок, но растениям все равно придется умереть, чтобы ты выжила.

Я проигнорировала приступ боли в ноге, когда особенно ледяной порыв ветра пронесся над Гудзоном и врезался в нас. Серое подбрюшье неба набухло, обещая еще больше снега. Казалось, снег идет уже месяц. И я неохотно признала, что дядя был прав: вечером меня ждут последствия сегодняшней активности.

– Все равно примерка через двадцать минут, поэтому у нас полно времени, чтобы…

Сверху из окна выплеснули ведро помоев, и мужчина в темно-коричневой визитке[4] и такого же цвета котелке от-

[4] Принадлежность мужского костюма, род сюртука. (*Прим. ред.*)

прыгнул в сторону, едва избежав нежелательного душа. Он врезался прямиком в меня, отчего моя трость отлетела в сторону, приземлившись рядом с его медицинской сумкой, набитой знакомыми инструментами. Забыв про сумку, мужчина удержал меня за руку, не дав рухнуть на наши вещи и напороться на что-нибудь острое.

Восстанавливая равновесие, я не отрывала глаз от торчавшей из сумки пилы для костей. Еще там лежало что-то похожее на архитектурный чертеж. Возможно, он врач, который проектирует собственные медицинские кабинеты. Убедившись, что падение мне не грозит, мужчина отпустил меня и быстро поднял свою сумку, засунув медицинские инструменты обратно и свернув чертеж.

– Прошу прощения, мисс! М-меня зовут Генри. Я не хотел… мне действительно надо научиться смотреть, куда иду. Сегодня моя голова забита миллионом вещей.

– Да. Надо. – Лиза подхватила с земли мою трость и так сердито посмотрела на мужчину, что тетушка Амелия ею гордилась бы. – С вашего позволения, нам нужно идти.

Мужчина обратил внимание на кузину и захлопнул рот, хотя я не уверена, была ли тому причиной ее красота или всё же характер. Она откровенно разглядывала его, пока он, похоже, собирался с мыслями.

– Извините нас, мистер Генри, – сказала она, снова беря меня под руку и откинув карамельные волосы самым высокомерным образом, – мы опаздываем на очень важную

встречу.

– Я не хотел…

Лиза совершенно не собиралась слушать про его намерения; она повела меня по лабиринту мясников и лотков, другой рукой держа бледно-зеленые юбки и зонтик. Такой темп оказался для меня слишком быстрым, и в конце концов я вырвалась и увела ее с Вест-стрит.

– Что, во имя королевы, это было? – спросила я, показывая на мужчину, от которого мы практически сбежали. – Ты же знаешь, что он не собирался в меня врезаться. И мне показалось, что ты произвела на него впечатление. Если бы ты не была такой чудовищно грубой, мы могли бы пригласить его на праздник. Разве не ты вчера говорила, что хотела бы с кем-нибудь пофлиртовать?

– Да. Говорила.

– И все же… Он вежливый, немного неуклюжий, но безобидный и, похоже, обладает легким характером. Не говоря уже о том, что он симпатичный. Разве тебе не нравятся брюнеты?

Лиза закатила глаза.

– Хорошо. Если хочешь знать, «Генри» слишком похоже на «Гарри», а я пока завязала с мужчинами, чьи имена начинаются на «г».

– Это абсурд.

– Как и прогулка по улице мясников в январе в светлом платье, но разве я жалуюсь, дорогая кузина?

Я подняла брови.

– Ладно, я не сдержалась! – воскликнула она. – Ты знаешь, как я нервничаю из-за встречи с мамой, особенно после моего короткого побега с карнавалом.

При упоминании о «Лунном карнавале» мы обе ненадолго притихли, молча вспоминая магию, шалости и разгул, которые он привнес в наши жизни всего лишь на девять дней на борту «Этрурии». В этом отношении карнавал оправдывал свой слоган на афише. Несмотря на доставленные проблемы, я всегда буду благодарна Мефистофелю и его урокам, намеренным или нет. К концу того проклятого круиза все мои сомнения по поводу брака с Томасом исчезли, как иллюзионист во время представления.

Уверенность придавала сил.

Лиза поплотнее закуталась в манто и кивнула на соседнюю улицу.

– Нам надо поторопиться в бутик «Догвуд-Лейн». Любая портниха, учившаяся в модном доме Уорта, не одобрит, если ее заставят ждать. Ты же не хочешь, чтобы она выместила свое раздражение на твоем бедном платье?

Я вытянула шею, надеясь еще разок увидеть мясницкий ряд, но мы уже ушли от забрызганной кровью улицы. Я набрала воздуха в грудь и медленно выдохнула. Действительно ли скука и праздник Томаса единственные причины моего интереса к одному из самых кровавых районов Нью-Йорка? Прошел почти месяц с тех пор, как мы работали над делом

об убийстве. Три благословенные недели без смерти, разрушений и ужаснейших в мире зрелищ.

Что должно быть поводом для праздника. И тем не менее меня беспокоило странное ощущение.

Если бы я не знала лучше, то решила бы, что оно похоже на приступ разочарования.

Глава 2. Как у принцессы

Бутик «Догвуд-Лейн»
Швейный квартал, Нью-Йорк
21 января 1889 года

В салоне модистки Лиза забрала у меня трость и прислонила к стене, оклеенной обоями с геральдическим лилиями. В глазах кузины горел миллион романтических грез. Я же, наверное, выглядела так, словно вот-вот упаду в обморок. В маленькой примерочной, отделенной от главного помещения, было душно. Большой камин горел опасно близко к вешалкам с платьями из шифона, шелка и кружева. Хотя не исключено, что мне было жарко из-за многослойного экстравагантного наряда, который я примеряла. Если я не слишком испорчу его по́том, это будет потрясающее платье для дня рождения Томаса.

Мраморная каминная полка была заставлена безделушками, создающими уютную домашнюю атмосферу. Девушка принесла горячий чай, расставила на краю стола чашки и вазочки с булочками, джемом и топленым сливками. К десерту быстро присоединились два бокала шампанского на серебряном подносе. На их поверхности плавала малина, окрашивая напиток в восхитительный розовый цвет. Мне удалось переместить большую часть веса на здоровую ногу, хотя ста-

рания не покачнуться немного утомляли.

– Не вертись, – приказала Лиза.

Она слегка запыхалась, расправляя слои моего платья. Наряд был прекрасного розового цвета: объемные тюлевые юбки с отделкой из бисера, который каскадом спускался по бокам от корсажа и переливался блестящим водопадом кристаллов. Лиза слишком туго затянула ленты корсажа и прикрыла их розовыми оборками, напоминавшими лепестки пиона.

– Вот так. Остались только перчатки.

Она подала перчатки, и я медленно натянула их выше локтей. Они были такого насыщенного цвета сливок, что хотелось погрузить в них ложку и попробовать на вкус. Я стояла спиной к огромному зеркалу, борясь с искушением развернуться и посмотреть на окончательный результат. Словно прочитав эту мысль, Лиза покачала головой.

– Пока нет. Сначала надень туфли. – Она выскочила в соседнюю комнату. – Мадемуазель Филиппа? Туфли готовы?

– Oui, мадемуазель.

Модистка протянула кузине симпатичную коробочку цвета морской волны с атласным бантом и опять убежала в пошивочную, приказывая своим швеям добавить на другие платья еще бисера или тюля.

– Вот они. – Лиза подошла ко мне с бесовской улыбкой. – Подставляй ножки.

– Я бы предпочла…

Я собралась возражать – с недавних пор моя обувь стала более практичной и громоздкой, чем мне нравилось, – но, когда Лиза открыла крышку и вынула новые туфли, у меня помутилось в глазах. Туфли были еще прелестнее, чем платье, если такое возможно. Из гладкого шелка, украшенные розами и камнями. Бледно-розовые и такие изысканные, что мне не терпелось их обуть. Потрогав их, я поняла, что это не шелк, а кожа, такая мягкая, что на них можно спать. Лиза поддержала меня, пока я их надевала, пошатываясь и крепко вцепившись в ее плечо. Ее глаза затуманились.

Я невольно засмеялась.

– С тобой все хорошо? – спросила я. – Не думала, что ботинки были так ужасны.

– Ты же знаешь, что нет… – Лиза шмыгнула носом и шлепнула меня по спине. – Я так рада, что ты опять в хорошем настроении. Я знаю, как ты скучала по своим любимым туфлям.

Произнесенная вслух фраза показалась такой глупой: скорбеть об утрате нарядных, лишенных души туфель. Но я любила их и воспринимала как должное возможность носить что хочется. Я приподняла юбки, чтобы полюбоваться блестящей обувью.

– Ты изумительно их продумала. Я не изменила бы ни одной детали.

– На самом деле… – Лиза встала и промокнула глаза носовым платком, – это идея Томаса.

Я резко повернулась к ней.

– Прошу прощения?

– Он сказал, что если тебе больше нельзя носить туфли на каблуках, то почему бы ему не заказать что-то настолько же красивое? Если не ещё красивее.

Я не мигая вытаращилась на нее, как дурочка. Лиза расплылась в улыбке.

– Он сам придумал фасон. И даже поместил в подошву дополнительную подкладку, чтобы смягчить любое неудобство. Он заметил, что ты часто морщишься, когда встаешь. И вот, они не только роскошны, но и могут немного облегчить твою боль.

Я несколько раз моргнула, не в силах сформулировать подходящий ответ, при котором я бы не расплакалась прямо в новые красивые юбки. Для кого-то здорового это не имело бы такого значения, но для меня стоило целого мира.

– Они очень непрактичны, – сказала я, глядя на туфли. – Они выпачкаются в грязи и испортятся…

– А, что касается этого…

Из-за угла появился Томас с коробками в руках. Он помедлил, чтобы окинуть меня неторопливым блуждающим взглядом. У меня запылали щеки, и я потрогала спереди корсаж – не задымилась ли я? Наконец он посмотрел мне в глаза и довольно усмехнулся:

– Я заказал еще несколько пар.

– О-о… Какой восхитительный сюрприз, мистер Кресу-

элл! Откуда вы узнали, что мы будем здесь?

Я закатила глаза. Лиза почти такая же ужасная актриса, как Томас певец. Она расцеловала меня в обе щеки и сердечно улыбнулась Томасу. Эти заговорщики спланировали все заранее. Мне следовало обнять их обоих.

– Вернусь через пару минут. Я видела милое платьице, о котором хочу расспросить.

Томас кивнул, Лиза прошла мимо него и завела громкий разговор с модисткой в соседней комнате.

– Потрясающе выглядишь, Одри Роуз. Вот.

Он свалил коробки на диванчик и, взяв меня за руку, развернул лицом к зеркалу.

– Ты прекрасное видение. Ну как тебе?

Не хочу показаться тщеславной, но когда я впервые увидела себя в платье, достойном и принцессы, в туфлях, которые придумал прекрасный, хотя и озорной принц, я почувствовала себя так, словно вышла из сказки. Однако не из такой сказки, в которой я играла бы роль беспомощной девы, а из сказки о триумфе и самопожертвовании, о воздаянии и любви.

– Не знала, что ты такой талантливый башмачник, Кресуэлл.

Он с задумчивым видом заправил мне за ухо выбившуюся прядь волос.

– Я обнаружил в себе стремление освоить эти полезные навыки, особенно если в результате ты выглядишь…

– Блестяще? – предположила я.

– Я хотел сказать «так, словно хочешь сейчас же погубить мою добродетель», но полагаю, что твой вывод тоже неплох.

Томас прижал свои губы к моим. Этот жест должен был быть милым и целомудренным, и я почти уверена, Томас не предполагал, что я притяну его ближе, углубив поцелуй. И искренне сомневаюсь, что он планировал подхватить меня на руки так, что юбки взметнулись вокруг нас, пока он нес меня на диванчик и усаживал к себе на колени, помня о больной ноге. Так что в его шутке оказалась доля правды.

Я пробежалась пальцами по его мягким локонам, позволяя себе несколько мгновений чистого наслаждения. В такие минуты в его объятиях, надежно защищенная от убийств и трупов, я обретала мир и покой. Глядя мне в глаза, словно и я давала ему такую же передышку, он опять приблизил свои губы к моим. Но вспомнив, что мы в ателье и кто-нибудь может войти и обнаружить нас в такой неприличной позе, я медленно заставила себя сесть ровно и положила голову на грудь Томаса, наслаждаясь тем, как наши сердца гулко бьются в унисон.

– День рождения у тебя, но именно ты преподносишь мне сюрпризы и подарки. Мне казалось, все должно быть наоборот.

– Да? Я подумал, что именинник имеет право выбирать, что он хочет. Может, ты набросишься на меня из-за того, что я такой неотразимый.

И скромный.

– Спасибо за туфли, Томас.

Я посмотрела на гору коробок, которые громоздились опасно близко к краю дивана. Он перехватил мой взгляд и отодвинул их, чтобы не упали.

– За все. Они очень милые. И в них не было никакой необходимости.

– Твое счастье для меня необходимость. – Он приподнял мой подбородок и поцеловал в кончик носа. – Мы найдем новые способы вместе плыть по миру, Уодсворт. Если ты больше не можешь носить каблуки, мы сделаем для тебя восхитительные туфли на плоской подошве. Если же окажется, что и они не годятся, я сделаю для тебя кресло на колесах, усыпанное драгоценными камнями. Мы сделаем для тебя все на свете. А если ты предпочитаешь сама, я отойду в сторонку. Кроме того, обещаю держать свое мнение в основном при себе.

– В основном?

Он подумал.

– Если только оно не будет в высшей степени непристойным. Тогда я с удовольствием поделюсь.

Мое сердце невольно затрепетало. Я была уверена, что если бы не отнеслась к этой ситуации легкомысленно, то немедленно набросилась бы на Томаса, и ход в этот бутик был бы для меня закрыт.

– Восемнадцать, – трагически вздохнула я. – Ты такой

древний. Мне даже кажется… – Я изобразила, что нюхаю его, стараясь спрятать улыбку, – что я чувствую на тебе запах сырой могилы. Ужасно.

– Ах ты шалунья. – Он потер носом мою шею, отчего по телу побежали мурашки. – На самом деле я пришел по просьбе твоего дяди, чтобы пригласить тебя в трущобы.

Внезапно нашей душевной беседе пришел конец. Томас превратился в холодного ученого с серьезным выражением лица. Такой вид он часто принимал перед вскрытиями. Я только теперь заметила на нем темную одежду, черное пальто и торчащие из кармана такие же кожаные перчатки – идеально для работы на месте преступления. Мое предательское сердце опять забилось быстрее.

– Произошло убийство?

Он кивнул, стиснув зубы.

– Ты уже был на месте преступления? – спросила я, тоже меняя тон.

Он пристально посмотрел на меня и ответил:

– Да. Твой дядя прислал за мной утром, вскоре после того, как вы с Лизой ушли. Но я уже запланировал преподнести тебе здесь сюрприз, а Лиза попросила дать вам хотя бы час. Я решил сначала сходить к твоему дяде.

– Ясно.

– На самом деле, боюсь, я неточно выразился. Твой дядя чуть не оторвал мне голову, когда увидел, что я пришел без тебя, и отослал меня обратно. – Он встал и протянул руку. –

Ну что, любовь моя, попробуем раскрыть еще одно жестокое преступление?

Я не хотела приходить в восторг от его предложения, но не могла отрицать, что почувствовала легкую волну азарта, пробежавшую внутри, словно вены заменили крошечными электрическими проводами. Я жаждала расследовать очередное убийство почти так же сильно, как поцелуев Томаса. А их я жаждала часто.

Я забрала у него трость и пошла за своим манто, когда в гардеробную вернулась Лиза со строгим выражением лица.

– О нет. Если ты считаешь, что я позволю тебе выйти в этом платье осматривать какое-нибудь кровавое место преступления…

Она прикрыла глаза, словно одна мысль о подобном была ей невыносима. Кузина повернулась к Томасу, указывая на дверь, и распорядилась, словно генерал перед трудноуправляемым войском:

– Через пять минут она выйдет к тебе в главную гостиную. Если только ты не хочешь увидеть ее на своем дне рождения в старом тряпье или нижней юбке.

Томас открыл было рот, вероятно, чтобы сострить по поводу моего белья, но под предостерегающим взглядом Лизы тут же передумал.

– Это не обсуждается. Ступай.

Глава 3. Номер 31

Отель «Ист-Ривер»
Нижний Ист-Сайд, Нью-Йорк
21 января 1889 года

Пока мы с Лизой укрывались в салоне модистки, зима решила устроить на улицах буйство. Тяжелые тучи наконец разродились ревущей бурей. Хлопья мокрого снега шлепались на крышу экипажа, окутывая нас пеленой ледяного холода. Ветер с воем носился по переулкам, заставляя людей поднимать воротники и бежать по скользким улицам.

Несмотря на то что я купила новые чулки и надела одни из самых теплых ботинок, заказанных для меня Томасом, у меня начали стучать зубы. Я сжала челюсти, надеясь прогнать холод усилием воли.

Это оказалось невозможно. Зубы щелкали самым неприличным образом. Томас наблюдал за мной, сидя напротив, затем с мрачным лицом проверил температуру кирпича у меня в ногах.

– Его нужно заново нагреть над огнем, – сказал он, расстегивая свое пальто.

Я увидела, что он и сам дрожит, поэтому дотронулась до него, останавливая.

– А как же утверждение, что тепло тела самый эффектив-

ный способ предотвратить обморожение? Если ты снимешь пальто, то замерзнешь раньше, чем успеешь бесстрашно спасти меня.

Он поднял глаза, и вся серьезность тотчас его покинула. Клянусь, в его золотисто-карих глазах плясали звезды.

– Как ты думаешь, что я делал?

– Снимал пальто, чтобы укутать мои ноги?

Он покачал головой, не скрывая озорства.

– Я собирался раздеться донага и велеть тебе сделать то же самое. Это лучший способ поделиться теплом тела. Я заплатил кучеру, чтобы он несколько раз объехал квартал, если потребуется, и думал, что мы могли бы проскользнуть в дом твоей бабушки, вместо того чтобы развлекаться на очередном месте преступления. Поскольку она путешествует и дом пустует, то, считаю, довольно быстро смогу тебя согреть.

Он окинул меня взглядом, который обжигал больше, чем простое прикосновение. Его глаза обещали все то, о чём лишь намекали месяцы флирта. И в том, с какой серьезностью он говорил о моем удовольствии, не было ни тени юмора. Несмотря на холод в экипаже, мне вдруг стало жарко. Томас смотрел мне в глаза, изогнув губы в улыбке.

– Возможно, это ты будешь согревать меня. Я согласен на любой сценарий. Выбор за леди.

Я покраснела.

– Прохвост.

– Люблю, когда ты шепчешь милые пустячки.

Томас пересел ко мне, откинул полу пальто и, обняв за плечи, притянул к себе под бок. Его внимание переключилось на заиндевевшее окно, и все признаки флирта растаяли быстрее, чем снег снаружи. Вероятно, увиденное им на месте преступления было слишком жутким, раз он не стал вдаваться в подробности и так вызывающе флиртовал. Он изо всех сил старался меня отвлечь, а это всегда было плохим знаком для жертвы. Мы миновали Кэтрин-слип и повернули на Уотер-стрит.

– Уже недалеко.

Я подняла воротник, вдыхая тепло собственного тела. Здания из мерцающего светлого известняка уступили место кирпичным, испещренным щербинами и покрытым грязью. Булыжные мостовые сменились немощеными улицами, местами замерзшими и по многим причинам опасными на вид. За окном можно было заметить много исхудавших, болезненного вида детей, сбившихся в кучки между зданиями. В такое утро никому не пожелаешь оказаться на улице.

Томас, который никогда ничего не упускал из виду, крепче обнял меня.

– Большинство этих детей итальянцы. Они или сбежали из дома, или их выгнали зарабатывать деньги.

К горлу подступил комок.

– Они такие маленькие. Как они могут заработать?

Томас промолчал. Это было странно для юноши, который не упускает случая поделиться фактами по любому мысли-

мому поводу. Я заметила, что он не барабанит пальцами, как обычно. Я снова выглянула в окно и вдруг поняла, что он не мог заставить себя произнести. У этих мальчишек – этих детей – не было иного выбора, кроме как стать преступниками. Чтобы выжить, они будут драться, воровать или подвергаться еще худшим ужасам. И некоторые не выживут.

Такой судьбы я бы не пожелала и злейшему врагу, не то что ребенку. Томас однажды заметил, что этот мир не добрый и не жестокий, но я всё равно видела, как несправедлива эта жизнь ко многим. Я отрешённо смотрела в окно, чувствуя себя бессильной.

Мы не разговаривали до конца поездки. Когда экипаж остановился, по спине пробежал мороз уже совсем по другой причине. Если мясницкий район был мечтой убийцы, то это здание казалось престолом царства Сатаны. Оно выглядело неприятнее, чем привалившиеся к нему мужчины и женщины, и в два раза более убогим. Небо и земля по сравнению с салоном модистки, наполненным беспечным теплом и роскошью.

Перед входом, как грифы над падалью, кружили репортеры в черных пальто. Взглянув на Томаса, я заметила в его глазах такое же мрачное выражение. Похоже, убийство стало новой формой развлечений. Джек-потрошитель разбудил в зрителях жажду крови, почти такую же пугающую, как преступления, которые мы расследовали.

– Добро пожаловать в отель «Ист-Ривер», – тихо сказал

Томас. – Нам в тридцать первый номер.

* * *

Внутри отель казался необитаемым, единственное исключение составляли паразиты. Наверное, скоро даже тараканы и мыши отправятся искать менее вонючее жилье. Того, кто берет один цент за комнату и питание, следовало бы отправить прямиком в работный дом. Крысы шествовали по лестницам и шныряли по норам в стенах, не торопясь и не пугаясь нашего присутствия.

Весь пол был усеян пометом. Я аккуратно шагнула в дверь, стараясь не думать о цепляющейся к подолу заразе, когда мои юбки задели эту дрянь. От отцовских страхов подхватить болезни трудно избавиться. К счастью или нет, но было достаточно темно, и я не могла разглядеть всю степень запущенности. Единственным источником освещения в передней служил тусклый дневной свет, просачивающийся с верхнего этажа между гнилыми досками перекрытий.

Серая штукатурка на стенах отваливалась кусками, либо крошась сама по себе, либо став несчастной жертвой злых постояльцев. Сложно сказать, колотили они по стенам или их самих туда швыряли. Возможно, имели место оба варианта. В коридоре половина обоев была оборвана, вторая половина упрямо цеплялась за стены. Здесь было так же темно, как и во всем здании, под стать темным деяниям, которые нам

предстояло расследовать.

Я совершила ужасную ошибку, опять посмотрев вниз, и обнаружила капли засохшей крови. Если на жертву напали не здесь, должно быть, наш убийца уходил этим путем. Желудок непроизвольно скрутило. Возможно, я не так уж стремилась расследовать еще одно убийство, как мне представлялось, а месяца без волнений о причинах смерти слишком мало для передышки.

В углах лежали толстые слои пыли и паутины. Ведра с помоями привлекали мух и прочих паразитов, которых мне не хотелось рассматривать внимательнее. Жуткое место для жизни и еще более ужасное для смерти.

– В какую сторону? – спросила я, полуобернувшись к своему спутнику.

Томас показал в дальний конец узкого коридора. С каждой стороны было больше комнат, чем, по моим представлениям, могло поместиться на этаже. Я приподняла бровь, удивившись, что у входа нет стойки портье. Необычно для отеля.

Через несколько шагов я заметила, что нумерация дверей начинается с двадцати, и нахмурилась.

– Разве это не первый этаж?

– За той дверью есть лестница вниз, на цокольный этаж, – сказал Томас. – Труп в последнем номере справа. Смотри, куда идешь.

Странная конфигурация, дающая убийце возможность

спрятаться или избежать свидетелей. Прежде чем шагнуть в коридор, я рискнула посмотреть вверх. Оттуда на нас уставились люди с такими же унылыми лицами, как и все окружающее.

Мать с ребенком на руках, несколько мальчиков и девочек с пустыми глазами. Сколько раз они видели, как в их временное жилище приходили полицейские и выносили еще одно тело, словно вчерашний мусор?

Я вспомнила свои терзания по поводу организации дня рождения Томаса, и мне стало стыдно. Пока я страдала над десертами и французскими деликатесами и оплакивала потерю разукрашенной обуви, всего в нескольких кварталах от меня люди с трудом боролись за выживание. Я подавила отвращение и подумала о человеке, которого здесь убили. Мир должен стать лучше. И даже если это невозможно, то мы, его обитатели, должны больше стараться.

Я собрала всю свою решимость и медленно пошла по коридору, пробуя тростью доски пола, проверяя, не провалюсь ли. Перед номером стоял полицейский, который, к моему удивлению, кивнул, когда мы с Томасом подошли. В его глазах не было презрения или насмешки. Ни я, ни мои юбки его не смущали, что создавало хорошее первое впечатление о полицейском управлении Нью-Йорка. По крайней мере пока.

– Доктор ждет вас обоих. – Он толкнул дверь и отступил. – Осторожнее. В номере тесновато.

– Спасибо, сэр.

Я смогла войти, но свободного места было немного. Томас прошел следом за мной, и я остановилась, чтобы бегло осмотреть комнату. Обстановка весьма скромная: одна кровать, одна тумбочка, одно драное, пропитавшееся кровью покрывало. Пройдя дальше, я увидела, что кровью забрызгано не только оно.

Дядя стоял над узкой кроватью и показывал на жертву. Мой пульс замедлился. На секунду показалось, будто я перенеслась на место убийства мисс Мэри Джейн Келли. Это было последнее и самое жестокое преступление Потрошителя. Мне не нужно было подходить ближе, чтобы увидеть: женщину практически выпотрошили. Обнаженное тело ниже шеи было все исколото ножом.

Я больше почувствовала, чем увидела, как Томас обошел меня, и подвинулась, чтобы взглянуть на него. Юноша чуть не пританцовывал на месте, его глаза горели отвратительнейшим образом.

– Там труп, – хрипло прошептала я.

Невероятно, как он мог вести себя, словно это обычная послеобеденная прогулка по берегу реки.

Томас отпрянул, прижав руку к груди. Он перевел взгляд с меня на труп и округлил глаза.

– Правда? А я-то был уверен, что это Зимний бал. Жаль, что я надел свой лучший костюм.

– Как умно.

– Ты же говоришь, что тебе нравятся мужчины с большим…

– Стоп. – Я подняла руку. – Умоляю. Здесь мой дядя.

– Мозгом, – все равно закончил он, улыбнувшись, когда я покраснела. – Уодсворт, я действительно потрясен тем, какое направление принимают твои непристойные мысли. Мы на месте преступления, имей совесть.

Я скрипнула зубами.

– Почему ты такой болтун?

– Если хочешь знать, это…

– А вот и вы.

Дядя походил на человека на грани срыва. Я никогда не могла понять, была ли для него смерть утешением или раздражителем.

– Освободите помещение!

Полицейский медлил, глядя на дядю, словно тот лишился здравого смысла. Дядя повернулся к мужчине в костюме и вопросительно поднял брови.

– Инспектор Бирнс? Мне с моими учениками нужно осмотреть место преступления. Пожалуйста, велите своим людям подождать в коридоре. Сюда уже набилась половина Манхэттена. Если потревожите что-нибудь еще, мы будем для вас бесполезны.

Инспектор оторвал взгляд от жертвы и внимательно посмотрел на дядю, а потом на нас с Томасом. Если его, американца, и раздражало, что какой-то англичанин выгоняет его

с места преступления, он этого не показал.

– Хорошо, ребята. Дадим доктору Уодсворту немного времени. Идите опросите соседей, может, они что-то видели или слышали. Хозяйка говорит, что видела мужчину. Составьте описание. – Он взглянул на дядю. – Сколько она тут пролежала?

Дядя покрутил кончики усов, он осматривал тело с тем хладнокровием, которому учил нас с Томасом.

– Не больше половины суток. Может, меньше.

Инспектор Бирнс кивнул, словно так и думал.

– Свидетели говорят, что она сняла этот номер вчера вечером, между половиной одиннадцатого и одиннадцатью часами.

Дядя снова осмотрел жертву, глядя будто бы сквозь нее и погружаясь в то самое хладнокровное состояние, необходимое для поиска улик. Лондонцы считали его бессердечным. Они не понимали, что ему пришлось ожесточить своё сердце, чтобы избавить их от мучительной неизвестности о судьбе близких.

– После вскрытия мы будем знать больше, – сказал он, знаком показывая на свою медицинскую сумку, – но на первый взгляд, судя по степени трупного окоченения, она скончалась между пятью и шестью часами утра. Однако эта оценка может измениться, когда мы соберем больше научных фактов.

Инспектор Бирнс застыл в дверном проеме, его лицо оста-

валось бесстрастным.

– Вы расследовали убийства Потрошителя.

Это был не вопрос, а констатация факта. Помедлив всего мгновение, дядя кивнул.

– Если это работа того больного ублюдка… – Инспектор покачал головой. – Нельзя допустить, чтобы эта новость разошлась, это может породить панику и беспорядки. Я уже говорил это и скажу снова: здесь не Лондон. Мы не провалим это дело, как Скотленд-Ярд. Через тридцать шесть часов, а может, даже раньше, подозреваемый – или сам чертов Джек-потрошитель – будет сидеть в тюрьме. Это Нью-Йорк. Мы тут не возимся с сумасшедшими убийцами.

– Конечно, инспектор Бирнс.

Дядя посмотрел на меня. Он никогда напрямую не спрашивал о событиях прошлого ноября, но не хуже меня знал, что Джек-потрошитель не мог совершить это убийство. Мы знали то, чего не было известно инспектору Бирнсу или кому-либо еще.

Джек-потрошитель, бич Лондона и всего мира, мертв.

Глава 4. Шекспириха

Отель «Ист-Ривер»
Нижний Ист-Сайд, Нью-Йорк
21 января 1889 года

– Одри Роуз, опиши место преступления. – Дядя сунул Томасу в руки блокнот. – Запиши все и сделай рисунок. Инспекторы сфотографировали тело, но я хочу, чтобы на бумаге была каждая деталь, каждое пятнышко.

Он стучал по блокноту, с каждым ударом все сильнее.

– Нам не нужна еще одна массовая истерия. Это понятно?

– Да, профессор.

Томас принялся выполнять поручение.

Я расправила плечи, погружаясь в знакомое холодное спокойствие, и устремила взгляд на тело, стараясь не представлять себе жертву живой и здоровой. Эта женщина стала просто головоломкой, которую нужно решить. Позже, когда убийца будет пойман, я могу вспомнить о ее человеческой сущности.

– Жертва – женщина лет пятидесяти пяти – шестидесяти.

Я оглядела место преступления, больше не испытывая дурноты от крови, покрывавшей здесь почти все, как после жуткого дождя. У моих ног на полу валялось небольшое перевернутое деревянное ведерко, судя по сильному запа-

ху хмеля и ячменя, из-под пива. Еще один беглый взгляд на комнату позволил предположить, что жертва была сильно пьяна: из-за алкоголя кровь стала более жидкой и плохо сворачивалась, поэтому так разбрызгалась вокруг.

– Вероятно, она была слишком пьяна, чтобы бороться с нападавшим.

Я показала на перевернутое ведро. Дядя, несмотря на страшную картину, казался довольным моим выводом и жестом велел продолжать. Я склонилась над телом, не обращая внимания на заколотившееся сердце. Женщина получила так много травм, что уже появился гнилостный запах. Несмотря на холод, проникавший через щели в окне, вонь разложения ударила мне в нос.

Я быстро сглотнула поднявшуюся к горлу желчь. К этому характерному сладковатому аромату нельзя подготовиться и нельзя его забыть. Зловоние гниющей человеческой плоти преследовало меня почти так же, как и жертвы, которых мы осматривали.

– Синяки вокруг шеи указывают на удушение. – Я дотронулась до одежды, прикрывающей ее лицо, и повернулась к Томасу. – Ты уже зарисовал?

– Почти. – Он вернулся к блокноту и развернул его, сравнивая сцену перед нами со своим рисунком. Подрисовав складки на одежде, он поднял голову. – Готово.

Без колебаний я убрала с ее лица то, что оказалось платьем, и оттянула веки трупа в поисках решающих доказа-

тельств того, что причиной смерти стало удушение.

– Присутствуют петехиальные кровоизлияния. Нашу жертву задушили, прежде чем…

Я подождала, пока дядя аккуратно перевернет ее на бок. Мой взгляд задержался на двух крестиках, вырезанных на ягодицах, что меня сразу отвлекло от обследования. Я сделала быстрый вдох.

– Прежде чем над нею произвели другие гнусные действия.

– Превосходно. – Дядя подался вперед, ища на трупе те же признаки, а потом осторожно вернул тело в положение, в каком оно было обнаружено. – Что ты думаешь о платье у нее на лице?

Я уставилась на тело, практически обнаженное, за исключением окровавленной одежды, которую убийца накинул ей на голову. Всякий раз, когда мы проводили вскрытие в лаборатории, дядя прикрывал жертвы тряпками. Трупы были ледяными и лежали на стерильном столе, но они заслуживали уважения. Неприличный вид жертвы – еще один способ, которым убийца буквально пытался лишить ее всего человеческого.

– Может, ему стало стыдно, – сказала я, пытаясь представить себе ход мысли преступника. Иногда это было слишком легко. – Возможно, она напомнила ему кого-то. Например, человека, которого он любил.

Я повела плечом.

– Она ведь и правда могла быть человеком, которого любил убийца.

Дядя покрутил усы. Казалось, ему хотелось походить по комнате, но она и так была слишком тесной для троих.

– И каков вывод? Зачем убийце, который так жестоко разрезал тело, беспокоиться о том, чтобы прикрыть ей глаза? Что это может говорить о нем?

Я посмотрела на Томаса, но он опять погрузился в собственные исследования и рисовал все, о чем просил дядя, и даже больше. Он стоял на коленях, точно фиксируя каждую колотую рану и угол, под которым вошло лезвие. Это напомнило мне тот самый раз, когда он практически уткнулся носом в одну из жертв Потрошителя. У меня по спине побежал холодок. Сходство этих дел мне не понравилось.

Я переключилась обратно на место преступления, размышляя над поведением убийцы. Возможно, он желал еще и опозорить ее.

– Полагаю, что он или она не хотел смотреть на лицо жертвы, – сказала я. – Возможно, не хотел думать о ней как о личности.

– Хорошо, – ответил дядя. – Что еще?

Игнорируя кровь на теле, я сосредоточилась на колотых ранах. Кто бы их ни нанес, он был в ярости. Так много порезов. Наверное, ее били снова и снова, с каждым ударом все более жестоко. Убийца рассвирепел, но оставалось загадкой, была ли эта ярость направлена непосредственно на жертву

или же спроецирована на нее. Убийца мог просто перерезать ей горло одним ударом. Но он не выбрал этот милосердный способ. Он жаждал боли, наслаждался ею.

– Большинство ножевых ранений нанесены после смерти. Как и крестики, вырезанные на ее… ягодицах. – Я на мгновение зажмурилась. Перед моим мысленным взором опять возникла мисс Мэри Джейн Келли, последняя жертва Потрошителя. – Также у жертвы вспорот живот. В ходе вскрытия мы узнаем, изъяты ли какие-либо органы и какие именно. Однако, судя по впалому низу живота, я полагаю, что что-то было удалено.

– Хорошо. Тогда идем дальше. – Дядя снял очки и потер переносицу. – Чем это убийство отличается от убийств в Лондоне?

Я посмотрела на дядю.

– Вы же не думаете, что это жертва Джека-потрошителя?

Словно отрываясь от увлекательной книги, дядя отвлекся от созерцания трупа и встретился со мной взглядом. Не знаю, почему ни один из нас не касался этой темы, но каким-то образом, несмотря на все ужасы, с которыми мы сталкивались почти ежедневно, разговоры о Джеке-потрошителе оставались для нас под негласным запретом.

– Одри Роуз, чему я учу тебя в каждом деле?

– Придерживаться фактов, – машинально ответила я. Я сосредоточилась на том, чтобы расслабить мышцы – это помогало мне прояснить ум, отстраниться от эмоций и рас-

сматривать улики, а не измышлять гипотезы, основанные на предположениях.

Дядя кивнул.

– Сюда же входит и исключение вариантов. Нам выпала уникальная возможность исследовать жертв Потрошителя. Мы точно знаем, в каком положении оставлялись тела, какие повреждения наносились жертвам. Это дает нам пищу для сравнения, не так ли?

– А, понимаю. – Томас сел на пятки и похлопал карандашом по блокноту. – Если бы это был научный эксперимент, то у нас были бы постоянные и переменные величины.

– Установление различий поможет нам исключить Джека-потрошителя, – сказала я, вникая в дядину методику.

– Молодцы. Оба. А теперь. – Дядя опять показал на шею. – Что сделал бы Потрошитель? Что он делал с каждой жертвой?

На мгновение мое сердце ухнуло в черную пустоту, с которой я так усиленно боролась. Мне было невыносимо думать о деле Потрошителя, но я больше не могла прятать свое горе или игнорировать зло, которое творилось прошлой осенью. С первого убийства прошло пять месяцев, пора раз и навсегда посмотреть в лицо правде и двигаться дальше.

Томас вполоборота повернулся ко мне, окинув меня быстрым аналитическим взглядом. Я знала, что он не станет перебивать и высказывать свое мнение, если только я не дам знак сделать это. Хотя у меня и возникло искушение позво-

лить ему вместо меня столкнуться с этим монстром, но это моя обязанность. Он, конечно, наследник династии, погрязшей в крови, но и я тоже.

Крепко сжав трость одной рукой, второй я вцепилась в бок.

– Джек-потрошитель душил жертвы, прежде чем перерезать им горло. Всех. Даже мисс Элизабет Страйд.

– Вот именно. Во время того убийства ему помешали, но он все равно перерезал ей горло, прежде чем тем же вечером напасть на мисс Кэтрин Эддоуз. Этот же убийца… – дядя показал на лежащее перед нами тело, – …имел предостаточно времени для того, чтобы воплотить свои мрачные фантазии. По-видимому, он был с ней несколько часов, более чем достаточно, чтобы вскрыть ее. В трупе мисс Мэри Джейн Келли почти не осталось ничего человеческого. Обстоятельства того преступления были схожи с этим. Оно было совершено внутри помещения. Мисс Келли была проституткой. Она пила. Тем не менее этот убийца не следовал знакомой методике: перерезать горло и зверски выпотрошить. Да, у этой жертвы, возможно, пропали органы, но это не та же аккуратная манера, что в наших прежних делах в Лондоне. А теперь скажите, что еще не совпадает с почерком Джека-потрошителя?

Я поразмыслила над подробностями дела Потрошителя. Каждое место преступления врезалось мне в память – мне не приходилось долго думать, чтобы припомнить факты. Со-

мневаюсь, что когда-нибудь забуду эти преступления. Я уставилась на жертву. Синяки на шее были другими. Вместо длинных следов от пальцев Потрошителя – что-то вроде бороздок. На полу валялась пара разорванных чулок.

– Судя по отметинам на шее, жертву, вероятнее всего, задушили ее же чулками. Потрошитель совершал такие преступления руками.

Дядино лицо озарилось гордостью. Я была рада его одобрению, хотя оно и казалось немного странным в подобных обстоятельствах. Не уверена, что хочу, чтобы моим главным талантом стало расследование преступлений, но были варианты и гораздо хуже.

– Нож… – Я кивнула на него. – Это тоже различие. Джек-потрошитель никогда не оставлял оружие.

– Превосходно. – Дядя сделал глубокий вдох. – А более очевидное различие?

Томас резко встал и засунул блокнот во внутренний карман.

– Эта женщина старше всех жертв Потрошителя по крайней мере на десять лет.

Я перестала слушать дядю с Томасом, которые начали обмениваться версиями, словно обсуждали погоду. Из глубин памяти всплывало какое-то воспоминание. Неясное, оно тем не менее словно бы проступало сквозь густой туман. Я с трудом различала очертания…

– Нераскрытое убийство на «Этрурии», – сказала я, когда

воспоминание наконец прояснилось. – То преступление схоже по почерку с этим.

На самом деле, если я не ошибаюсь, мы с Томасом тогда беспокоились, что привезли в Америку убийцу, вдохновленного Потрошителем. Беседа дяди с Томасом сразу оборвалась. Оба потихоньку уясняли связь. Несколько ужасных мгновений единственными звуками было наше дыхание на фоне беззвучия распростертой на кровати жертвы.

– Нам нужно посмотреть список пассажиров «Этрурии», – продолжила я, когда стало ясно, что дядя с Томасом пришли в замешательство от моего вывода. – Возможно, это лучший способ выследить убийцу.

– Это если убийца назвался настоящим именем, – скептически заметил Томас. – Когда продают билеты за океан, документов не требуют.

– Ты прав. Сомневаюсь, что он назвался настоящим именем, – ответила я, опираясь на трость. – Но в самом крайнем случае мы узнаем псевдоним, который может его выдать.

Дядя смотрел на комнату, и мне стало интересно, что именно он разглядывает. Через минуту он показал на труп.

– Давайте закончим осмотр. Я попрошу инспектора Бирнса послать кого-нибудь за информацией о пассажирах «Этрурии».

Когда мы договорили, я повернулась к телу, стараясь успокоить свой участившийся пульс. Я облизнула губы, надеясь, что чувство вожделения не отражается на моем лице.

Сейчас неподходящий момент для румянца и горящих глаз. А поскольку чуть раньше Томас едва ли не танцевал, словно нас пригласили на грандиозный бал, то меня можно простить за нарушение благопристойности.

Я почувствовала на себе взгляд Томаса, словно он прикоснулся ко мне. Дядя может быть поглощен своими мыслями, но Томас никогда не пропускает изменений в моем настроении.

Я взглянула на него, нисколько не стыдясь. Его глаза потемнели от тревоги. У него была причина бояться – я едва себя узнавала. Нельзя наслаждаться таким насилием, но я не могла отрицать, какой в высшей степени живой ощущаю себя, когда изучаю смерть.

Возможно, дьявол внутри меня умолял об освобождении. Без лишней суеты я занялась делом.

Глава 5. Призрак из прошлого

Комнаты Одри Роуз
Пятая авеню, Нью-Йорк
21 января 1889 года

Перед тем как мы покинули отель, инспектор Бирнс пообещал зайти к нам, чтобы сообщить подробности о личности жертвы. Так и не получив разрешения провести вскрытие или присутствовать на нем, мы с Томасом и дядей отправились домой ждать новостей. После ужина я ушла переодеваться и заметила на туалетном столике конверт с лондонским штемпелем.

С любопытством я быстро вскрыла его и увидела незнакомый аккуратный почерк.

«До меня дошли слухи о вашей предстоящей свадьбе. Я на пути в Нью-Йорк и приеду через две недели. Скажи Томасу, что я хочу поговорить с ним до церемонии венчания. Это крайне важно. У меня есть кое-что нужное ему».

Странно. Ни я, ни Томас не сообщали о наших планах пожениться никому, кроме Лизы и моего отца. И отец наверняка не стал бы никому рассказывать о нашем желании обручиться, сначала не поговорив с Томасом. Существуют опре-

деленные обычаи, которые должны идти в нужной последовательности. Когда мой отец даст согласие, Томас сообщит своей семье. Пока стороны не подпишут все необходимые документы, никто, кроме близких родственников, не будет знать о помолвке. И тем не менее… кто-то еще знал, что она возможна. На самом деле этот человек, похоже, убежден, что свадьба состоится в ближайшем будущем.

Вздор.

Я скомкала письмо и сунула его через витую решетку в камин. Края почернели, потом стали оранжевыми, и наконец бумага загорелась. Я подождала, пока письмо не превратится в пепел, и отвернулась. В душе поселилось беспокойство. В записке не было ничего угрожающего, но отсутствие подписи тревожило.

Если это сестра Томаса, Дачиана, она обязательно подписалась бы, и сама записка была бы теплой и дружеской, как и сама Дачиана. И если бы её сообщение предназначалось именно ему, она отправила бы письмо напрямую брату. Бессмысленно писать мне и просить передать ее пожелания. А если это не Дачиана или ее возлюбленная, Иляна, то кто мог просить поговорить с Томасом перед нашей свадьбой?

Отчасти я беспокоилась, что это задумка озорного хозяина карнавала, с которым я играла в опасные иллюзорные игры. Могут ли у Мефистофеля быть шпионы в Нью-Йорке? Я глубоко вздохнула. Вряд ли его волнуют наши жизни. Он знает, что мое сердце принадлежит только Томасу. Он не на-

столько бессердечен.

Из бесконечного круга мыслей меня вырвал стук в дверь. Мое воображение часто рисовало затейливые картины. Скорее всего, это одна из них.

– Войдите.

Лиза с чашкой ароматного чая впорхнула в комнату и внезапно остановилась, наморщив носик.

– Пахнет горелой бумагой, – сказала она, помахав свободной рукой перед лицом. – Ты же не сжигаешь наши пьесы?

Я села, прислонив трость к кушетке, и нерешительно провела пальцами по рисунку своей парчовой юбки цвета морской волны. Теперь все казалось таким глупым.

– Я получила письмо.

Лиза пересекла комнату и подала мне чай.

– Да, и еще получишь немало, учитывая возможность скорой свадьбы. Ты сожгла это самое письмо?

Я кивнула и сделала быстрый глоток чая с весьма приятным насыщенным и одновременно пряным вкусом. Отпив еще немного, я ответила:

– Я… Похоже, я получила завуалированную угрозу. Хотя чем больше думаю об этом, тем больше мне кажется, что я преувеличиваю. Наверное, просто нервничаю перед тем, как отец даст свое благословение. Это же нормально?

При этом моём признании у Лизы глаза чуть не выскочили из орбит. Она подбежала ко мне и, отставив чашку, сжала мои ладони в руках, лицо ее светилось от восторга.

– Скандал! Интрига! Тебе и правда достается все веселье. Думаешь, это отвергнутая любовь ищет мести?

– Что? С чего ты взяла? – Я уставилась на радостно возбужденное лицо кузины и наконец уступила. – Что ж, по правде говоря, Мефистофель приходил мне на ум. Ему нравится лезть не в свои дела, но вряд ли у нас была любовь. И хотя возможно, что в какой-то момент я приняла необдуманное решение, на самом деле мне никогда не угрожало влюбиться в него.

Лиза с жалостью посмотрела на меня.

– Милая кузина, я знаю, что ты не питала никаких чувств к Мефистофелю. Вообще-то я говорила про Томаса.

Я открыла рот и захлопнула его, обдумывая услышанное.

– Томас не… – Я покачала головой. – До меня он ни за кем не ухаживал.

Между нами повисло неловкое молчание.

Лиза теребила оборки юбки.

– Ты уверена? Он говорил тебе об этом или ты предполагаешь?

– Я… – заспорила было я, но, поскольку речь шла о сердечных делах, кузина снова оказалась чертовски права. – Думаю, он уже упомянул бы, если бы ухаживал за кем-нибудь в прошлом. Он всегда так серьезно относился к работе с дядей.

Лиза, кажется, была готова что-то сказать, но вместо этого лишь сжала губы. Я вздохнула.

– Это глупо. У Томаса нет бывшей возлюбленной, которая хотела бы сорвать нашу свадьбу. Даже если бы это было возможно, откуда ей знать о наших планах обручиться?

– Слухи. Сплетни. Ты же знаешь, что нет ничего скандальнее или восхитительнее хорошего романа. Особенно после того, как вы с Томасом прославились в Лондоне. Дворецкий или слуга увидел переписку и запустил цепочку передаваемых из уст в уста секретов.

– Если бы мы отправляли приглашения или даже письма нашим семьям, тогда возможно. – Я взяла чашку с чаем и вдохнула успокаивающий аромат. – Может быть, Цзянь, или Гудини, или кто-то еще из «Лунного карнавала» довольно жестоко пошутил. Не удивлюсь, если они отправили анонимное письмо еще кому-нибудь. Ты же знаешь, что у них несколько извращенное чувство юмора.

Чем дольше я болтала, тем невероятнее становились мои предположения и сильнее тревога. Выражение лица кузины не помогало облегчить беспокойство. Лиза нацепила улыбку.

– Наверное, ты права. Уверена, после того как он десять дней досаждал тебе, один раз поцеловал, а потом сбежал в очередной город ради следующих побед, хозяин карнавала оставил шпионов и хочет испортить твою гипотетическую свадьбу, посылая письма в газеты за океан.

Проклятье. Я пожалела о том, что рассказала ей про злополучный поцелуй. Томас же воспринял все это гораздо лучше, чем я того заслуживала. Он только пожалел, что я не

стукнула Мефистофеля по самому чувствительном месту за то, что он воспользовался мной.

– Паршивец.

Допив чай, я взяла трость и направилась к двери со всей уверенностью, на которую была способна.

– Я просто прямо сейчас спрошу Томаса про любые любовные увлечения.

– Отличная идея. – Лиза смотрела на книжные полки около камина. – Подождать тебя?

Я знала, что ей не терпится свернуться калачиком в обнимку с хорошим любовным романом, и не хотела, чтобы волнения помешали ей наслаждаться вечером. Я покачала головой.

– Спасибо, со мной все будет хорошо.

* * *

Совсем непросто красться по незнакомому дому ночью, а стучащая по тонкому ковру трость не способствует маскировке. Я морщилась каждый раз, когда она касалась пола, и молилась, чтобы дядя крепко спал. Однако после утреннего расследования он, скорее всего, изучает записи, в надежде, что инспектор Бирнс все же пришлет весточку в такой час.

Миссис Харви жила на том же этаже, что и мы с Лизой, и не стала бы поднимать шум, застукав меня. На самом деле она скорее подтолкнула бы меня к комнатам Томаса, весело

напевая себе под нос. Во время плавания на «Этрурии» она практически подстрекала меня тайком навестить Томаса, передав мне записку, в которой он просил о встрече в полночь.

Я была очень рада, что отец с тетушкой еще не приехали. Было бы невозможно предсказать, где каждый из них окажется в этот час. После маминой смерти отец плохо спал и по ночам бродил по коридорам нашего дома, как неприкаянное привидение.

Дверь Томаса была приоткрыта. Я посмотрела в щель: любопытно, чем он занимается. Не удивлюсь, если он предугадал мой неожиданный визит. Лампа на прикроватной тумбочке горела, а в углу тихо потрескивало пламя. Сама комната была темно-синей, словно самые темные глубины океана.

Резная мебель красного дерева и мрачная цветовая гамма идеально подходили Томасу. Я постаралась не задерживать взгляд на кровати, но было трудно игнорировать ее захламленное состояние. На ней валялись бумаги и хаотичными стопками громоздились блокноты. Я ожидала, что Томас будет дремать, опираясь спиной на изголовье, словно уставший принц, отдыхающий на троне из книг.

У меня засосало под ложечкой, когда я вспомнила, что он читал записки Джека-потрошителя. Он упоминал об этом в Румынии, а потом еще раз, когда мы пересекали Атлантику. Я все еще не была готова узнать, что́ брат писал о своих преступлениях. Однако я испытывала облегчение, зная, что его

дневники у нас и не попадут в руки тому, кто может их повредить или предать огласке.

Чувствуя себя незваным гостем, я постучала и тихо окликнула:

– Томас?

Запахло корицей с сахаром. Я толкнула дверь шире, опасаясь скрипа петель.

– Кресуэлл? – Я заглянула внутрь. – Где…

– Прошу, скажи, что все мои непристойные мечты наконец исполнились.

Я дернулась назад и выругалась, когда трость со стуком упала на пол. Развернувшись со всей возможной грациозностью, я сердито уставилась на Томаса.

– Ты зачем шныряешь по коридорам в такой час?

По лицу Томаса скользнула лукавая улыбка, и он жестом пригласил меня в комнату.

– Ты же осознаешь иронию своего вопроса, когда на самом деле точно так же шныряешь по коридору?

В ответ на мой раздраженный вздох он показал тарелку со сладостями и закрыл дверь ногой.

– Повар испек булочки с корицей, политые растопленным маслом с сахаром. Определенно это на утро, но я не смог удержаться.

Увидев мой недоверчивый взгляд, он возмущенно добавил:

– Попробуй устоять перед ароматом корицы, сахара и мо-

ей вечной любви – сливочного масла.

Я отщипнула кусочек булочки и, когда он растаял на языке, застонала от наслаждения. Идеально сбалансированного вкуса и сладости было достаточно, чтобы я забыла, зачем спустилась сюда в этот час. Томас водрузил тарелку на комод и смотрел на меня с таким же голодом и обожанием, как и на выпечку.

Не спуская с меня глаз, он стёр глазурь в уголке моего рта, и его губы тут же впились в мои. Поцелуй получился теплым и сладким. И совершенно неожиданным. Булочки были хороши, но это намного лучше. Томас медленно подвел меня к комоду, чтобы я могла присесть на него, разгрузив ногу. Пока мы целовались, он нежно держал мое лицо в ладонях, словно я самое дорогое, что у него есть.

Каким-то образом его нежное внимание разбудило во мне что-то неукротимое. Я желала большего. Я встала с комода и подтолкнула Томаса к кровати, наслаждаясь его удивлением. Томас быстро пришел в себя и, пробуя меня на вкус, провел ладонями вдоль моей спины. Через пару мгновений нас обоих перестало устраивать расстояние между нами. Томас опустил руки мне на бедра, сжав их одновременно нежно и сильно. Я скользнула ладонями под его сюртук и занялась шейным платком, но Томас остановился.

– Подожди, – сказал он, задыхаясь.

Я удивленно отстранилась.

– Я… это слишком?

Томас обнял меня одной рукой и, притянув к себе, проложил дорожку из поцелуев от губ к сердцу и обратно. Как и в лаборатории, он действовал медленно и тщательно. Прислушивался к каждому удару моего сердца, каждому вдоху и использовал свою дедукцию для моего удовольствия. Когда он наконец сумел снова оторваться от меня, его дыхание было таким же тяжелым, как веки.

– Нет, Уодсворт. Это совсем не слишком. Просто…

– Это твоя добродетель, да? – поддразнила я. – Хочешь подождать, пока мы не поженимся?

– Боже, нет. – Он хмыкнул. – Я неприлично долго хочу тебя совратить. Если бы я был более эгоистичным, то взял бы тебя прямо сейчас, если бы ты позволила.

Я перевела взгляд с него на кровать, раздумывая.

– Однако… – Он сел на матрас и похлопал ладонью рядом с собой. – Сегодня ты можешь не захотеть двигаться дальше. Я…

Мои тревоги тут же вернулись, и я перебила его, пока не струсила:

– Ты ухаживал за кем-либо еще?

– Я… – Он посмотрел на меня в своей изучающей манере. Я ожидала озорства, но вместо этого он наклонился и целомудренно поцеловал меня. – Я никогда ни за кем не ухаживал официально и не просил разрешения это делать. Только за тобой.

Я выдохнула, но облегчение было недолгим. Мое внима-

ние привлекла одна маленькая деталь. Его ухаживания за мной тоже не были официальными. По крайней мере пока мой отец не даст согласия. Томас провел по лицу ладонью, и я наконец заметила, что он пытается скрыть волнение.

– Ты должна кое-что прочитать, – сказал он. – Я это обнаружил недавно и никак не мог выбрать удачное время, чтобы показать тебе.

Внутри заворочалось что-то сродни истерике. Должно быть, он тоже получил анонимное письмо. Ладони внезапно вспотели, а во рту пересохло. Кто-то нацелился на нас по причинам, о которых я не смела думать.

– Что такое?

– Я… думаю, лучше тебе посмотреть самой.

Он пролистал дневник, нашел конверт и, опустив глаза, отдал его мне. На мгновение мне показалось, будто вся вселенная затаила дыхание, ожидая моей реакции. Когда я достала письмо и застыла, увидев почерк, паника только возросла.

Не может быть.

Я моргнула в полной уверенности, что это галлюцинация. Почерк совсем не такой, как в том письме, что я получила. Этот был знаком мне гораздо лучше. Я узнала бы его где угодно.

– Что это?

Голос выдавал мой страх. Томас покачал головой и ничего не ответил. Я собралась с духом. Такое поведение Томаса

означало, что после прочтения станет еще хуже.

Я начала читать, и в ушах зашумела кровь. Теперь я поняла, почему Томас прервал наши тайные ласки. Руки и ноги ослабели, и я никак не могла решить, чего мне хочется: закричать, заплакать или все вместе. Я боролась с захлестнувшим меня водоворотом эмоций, надеясь, что меня не стошнит в ту же секунду. Словно золотистое солнце на горизонте, надо мной поднимался новый кошмар.

У моего любимого брата была еще одна тайна.

И это меняло все, что я знала до этого момента.

«Дорогая сестра.

Если ты читаешь это письмо, значит, я либо арестован, либо уже предстал перед правосудием. Какая жалость. Подозреваю, королева и парламент ждут не дождутся разорвать меня на куски за причиненные беды. Понимаю, что тебе сейчас нелегко, но прошу не терять силы воли и разума. Какие бы обстоятельства ни привели нас к этому, надеюсь, мое письмо застанет тебя в добром здравии, хотя возможно, что после прочтения станет немного дурно. Боюсь, еще одно сожаление в длинном списке.

Я знаю, что скорее всего тебе не понравятся мои деяния, но должен сделать одно последнее признание. На самом деле я предпочитал представлять себя Джекилом. Мой коллега, назовем его мистер Хайд, скоро возвращается в Америку и обещал продолжить наше дело там.

Я люблю тебя, кто бы что ни говорил – знай, это правда. Я сожалею о том, что натворил, но клянусь, скоро ты увидишь ценность моей работы, даже если не согласна с методами. Однажды ты узнаешь правду о Джеке-потрошителе. Не забудь про мои дневники, дорогая сестренка. Я писал их ради тебя и наследия нашей семьи.

Люблю вечно,

Натаниэль Джонатан Уодсворт».

Глава 6. Страшное открытие

Комнаты Томаса
Пятая авеню, Нью-Йорк
21 января 1889 года

Их было двое.

Меня била дрожь. Смяв письмо в кулаке, я вскочила с кровати. Боль яростным кнутом хлестнула ногу, напоминая об осторожном обращении с телом, для сердца же защиты не было. Стараясь не обращать внимания на пульсирующую боль, я перечитала записку. И опять предательское сердце с каждой фразой колотилось все быстрее.

Их было двое.

Это не может быть правдой. Не может. И все же… Я не могла дышать. Я едва соображала сквозь какофонию в голове. Хотелось разодрать на себе корсет и швырнуть в огонь. Хотелось бежать без оглядки из этой комнаты и из моей жизни.

– Одри Роуз?

Я подняла руку, не давая Томасу сказать то, что он хотел. Ужасное давление под ребрами нарастало, воздух внезапно стал слишком разреженным или слишком густым. Это, должно быть, ночной кошмар. Я скоро проснусь, и все будет хорошо. Скоро я вспомню, что мой любимый брат был Дже-

ком-потрошителем и он мертв, а моя семья разбита вдребезги, но мы потихоньку собираем наши жизни обратно. Мы сломлены, но не побеждены. Мы… Я ущипнула себя за руку и вскрикнула. Я не сплю, все происходит наяву. К горлу подкатил комок.

Я не могу принять это письмо. Не могу. В нем заключается слишком ужасный смысл. Я упала на кровать, голова шла кругом. Хотя, наверное, опасность угрожала не голове – мое сердце готово было разбиться. Опять. Долго еще это дело будет меня преследовать? Сколько секретов хранил мой брат? Как только я думаю, что решила одну загадку, тут же возникает другая, более жестокая и страшная, чем предыдущая.

Я сосредоточилась на медленных вдохах и выдохах. Это оказалось труднее, чем следовало. Джек-потрошитель совершал свои преступления не в одиночку. Его ужасное правление еще не кончилось. Эта мысль вырывала из моей груди остатки сердца. Джек-потрошитель жив.

Все это время… все эти месяцы я убеждала себя, что ужасы кончились. Что его смерть станет некоторым утешением для душ убитых, хотя мне, как хранительнице его тайны, никакого покоя не было. Все призраки прошлого, с которыми я боролась, все демоны моего воображения – все они восстали заново при этой новости, вцепились мне в горло, издеваясь: «Я же тебе говорил». Его смерть оказалась еще одной ложью. Слезы обожгли глаза.

Джек-потрошитель оказался двумя извращенцами, дей-

ствовавшими как один. И я знала – знала каждой молекулой своего тела, что он был с нами на «Этрурии». То преступление было слишком похоже на его дела, как я могла это упустить? Я совершила ту же ошибку, что и в нашем первом деле, – проигнорировала факты, потому что не хотела видеть в них то, чем они являлись. Я делала один за другим неровные вдохи.

Джек-потрошитель жив. Я мысленно повторяла это снова и снова.

– Уодсворт… пожалуйста, скажи что-нибудь.

Я держала рот на замке. Если я его открою, то начну кричать и не смогу остановиться. Я не знала, кем был мой брат или настоящий Джек-потрошитель. Я с трудом узнавала себя в этот момент. Кто еще в моей жизни не тот или не та, кем кажется? Я закрыла глаза, заставляя себя внутри стать твердой глыбой льда. Сейчас не время расклеиваться.

– На корабле, – произнесла я сквозь стиснутые зубы. – Он сидел в тени, ночь за ночью, притаившись, наблюдая, возможно, наслаждаясь хаосом, когда другой серийный убийца устраивал свои представления.

Я покачала головой, боль уступила место гневу. Интересно, достаточно ли горяча моя ярость, чтобы кого-нибудь поджечь?

– Знает ли он меня? Он последовал через океан за мной или же то, что наши пути опять пересеклись, просто причуда судьбы?

Я положила письмо и стиснула набалдашник трости в виде розы так, что онемели пальцы. Я хотела обрушить трость на голову Потрошителя. Я хотела…

Томас медленно оплел пальцами мою руку и держал так, пока я не успокоилась.

– Боюсь, есть еще. В его дневниках.

Я боролась с горьким смехом. Разумеется, есть еще. Похоже, этот кошмар только начинается. Каждый раз, когда я думаю, что закрыла главу, появляется новый поворот. Я не стала спрашивать о подробностях. Если есть что-то еще, то тут задействован еще один человек, еще одна трагическая смерть. Еще одно жестокое убийство в добавление к кровавому списку Потрошителя.

– Кто?

– Мисс Марта Табрам. Она была проституткой, зарабатывавшей на жизнь в Ист-Энде.

Томас внимательно посмотрел на меня и, порывшись в стопке дневников, нашел тот, который читал.

– Натаниэль сохранил несколько газетных вырезок, в которых обсуждалась ее смерть. По-видимому, ей нанесли тридцать девять ударов двумя разными ножами. Один – предположительно складной нож, второй описывается как кинжал. Судя по тому, что мы знаем о других убийствах Потрошителя, это орудие могло быть длинным тонким хирургическим ножом.

Я поразмыслила над этой информацией. Все еще хотелось

кричать, но эта потребность уменьшалась по мере того, как я погружалась в решение загадки.

– Дядя был на месте преступления?

– Нет. – Томас покачал головой. – Осматривать тело на месте преступления позвали доктора Киллина, а во второй статье упоминается другой коронер. Не знаю, почему не консультировались с доктором Уодсвортом.

– Возможно, потому что Скотленд-Ярд еще не нуждался в его экспертизе.

Я уставилась на заголовок. Мой дядя – блестящий профессор судебной медицины и часто помогал полиции, если его приглашали, но официально в Скотленд-Ярде он не числился.

– Как тебе хорошо известно, до Джека-потрошителя повторные убийства были чем-то неслыханным. Полагаю, они, недолго думая, приглашали первого попавшегося коронера.

Ни Томас, ни я не упомянули более явную причину, почему полицейские не позвали эксперта: наше общество не особенно доброжелательно к женщинам, особенно тем, которые вынуждены выживать любыми средствами. Разумеется, газеты заявляли, что все возможное расследование было проведено, но это очередная низкая ложь, чтобы приукрасить их байки. Чтобы газеты покупали. Чтобы крепче спать по ночам.

Я глубоко вздохнула и направила вернувшийся гнев на что-то полезное. Злость проблем не решит, зато действие по-

может. Я спокойно прочитала первую статью.

УЖАСНОЕ И ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО В ДЖОРДЖ-ЯРДЕ, УАЙТЧЕПЕЛ-РОУД

– «Убийство в день летних банковских каникул в здании Джордж-Ярд, – прочитала я вслух первые строчки. – Тело обнаружено утром седьмого августа».

Я похолодела.

– Это примерно за три недели до убийства мисс Мэри Николс.

Предположительно первой жертвы Джека-потрошителя.

– Что интересно… – Томас взял из стопки другой дневник, – мисс Эмма Элизабет Смит также была убита в банковские каникулы.

Я закрыла глаза, слишком ясно вспомнив, что она погибла четвертого апреля. В день рождения моей мамы. В памяти всплыл еще один факт из ее дела.

– Она жила на Джордж-стрит. Это убийство произошло в Джордж-Ярде. Это может что-то значить для убийцы.

Томас казался заинтригованным этой новой нитью. Он перешел с кровати за маленький письменный стол и принялся что-то записывать. Пока он был поглощен этим занятием, я вернулась к вырезке о смерти мисс Марты Табрам. Мой брат не признался в ее убийстве, по крайней мере в своём дневнике, но его интерес был не случайным.

«Ист Лондон адвертайзер» сообщала:

«Обстоятельства этой ужасной трагедии не только окружены глубочайшей тайной, но и создают ощущение незащищенности: в таком величайшем городе, как Лондон, улицы которого постоянно патрулирует полиция. Женщина может быть убита отвратительным и жестоким образом практически по соседству с мирно спящими в своих постелях горожанами, и при этом не останется ни малейшего намека на личность злодея, который это совершил. Похоже, не найдено никаких следов убийцы, и на данный момент улики также отсутствуют».

Я потерла виски. Я не слышала об этом убийстве, хотя, если не ошибаюсь, начало августа у нас в доме выдалось необычным. Брат был занят изучением права, а отец пребывал в особенно угрюмом настроении. Я считала причиной частых отлучек брата возрастающую тревожность отца, а также думала, что отец обеспокоен приближением моего семнадцатого дня рождения. Каждое утро он забирал газеты и сжигал прежде, чем я успевала их прочесть.

Теперь я знала почему. Не из-за безумия, а от страха. Я перевернула страницу дневника и молча прочитала цитату, вырезанную из статьи.

«Этот человек должен быть настоящим дикарем, если он нанес таким способом огромное множество ран безза-

щитной женщине». Это сказал Джордж Коллье, заместитель окружного коронера.

Ниже лихорадочным почерком Натаниэля был нацарапан отрывок из «Франкенштейна», нашего любимого готического романа.

«Если бы наши чувства ограничивались голодом, жаждой и похотью, мы были бы почти свободны; а сейчас мы подвластны каждому дуновению ветра, каждому случайному слову или воспоминанию, которое это слово в нас вызывает.[5]

Мы спим – расстроен сновиденьем сон.
Встаем – мелькнувшей мыслью день отравлен.
Веселье, плач, надежда, смех и стон —
Что постоянно в мире? Кто избавлен

От вечных смен? – Для них свободен путь.
Ни радость, ни печаль не знают плена.
И день вчерашний завтра не вернуть.
Изменчивость – одна лишь неизменна[6]*».*

Я так часто читала эту книгу холодными октябрьскими

[5] Здесь и далее «Франкенштейн, или Современный Прометей» Мэри Шелли цитируется в переводе З. А. Александровой.

[6] Перси Биши Шелли, перевод В. В. Левика.

вечерами, что почти сразу вспомнила этот момент. Доктор Виктор Франкенштейн путешествует по стране снега и льда в поисках своего монстра. Перед встречей с творением, столь ненавидимым им, он намекает, что природа может исцелить человеческую душу. Брат воображал себя доктором Виктором Франкенштейном?

Основываясь на предыдущих отрывках, которые он подчеркнул много месяцев назад, я всегда думала, что он считает себя монстром. Хотя как я могу утверждать, что знала его? Насколько хорошо любой из нас на самом деле знает другого? Секреты ценнее бриллиантов и валюты. А мой брат был ими богат.

Я нашла перо и принялась писать свои лихорадочные заметки на чистой странице, добавляя даты и теории, которые казались такими же безумными и дикими, как монстр Франкенштейна. Наверное, я сама становлюсь сумасшедшей и необузданной.

Я уловила движение за секунду до того, как Томас опустился передо мной на колени с непривычно доброжелательным выражением лица. На мгновение мне подумалось: как я выгляжу в его глазах? Такой же буйной, какой себя ощущаю? Мое сердце колотилось быстро, как у кролика, но инстинкты никуда не делись – мне хотелось крови. Томас дотронулся до моего лба, провел пальцем по волосам, разглаживая узел, который непонятно как появился. Я расслабилась от его прикосновения. Совсем чуть-чуть.

– Над тобой реет определенная аура убийства, если честно. Странная, соблазнительная и тревожная смесь. Даже для меня. Что это? – спросил он.

Развернув дневник, я показала место про Франкенштейна. Он прочитал и внимательно взглянул мне в лицо.

– Помню, твоего брата интересовали Шелли и опыты Гальвани с электричеством и дохлыми лягушками. Но тебя же не это беспокоит.

– В одной статье описываются раны Марты, они все сосредоточены на горле и внизу живота.

Взгляд Томаса вернулся к отрывку про Франкенштейна. Моя, на первый взгляд, резкая смена темы заставила его наморщить лоб.

– Раны Эммы казались совершенно отличными от пяти жертв убийств в Уайтчепеле, – сказала я, с каждым словом обретая больше уверенности. – Ее убийца не трогал горло и не бил ножом.

Томас тяжело сглотнул, без сомнения, живо вспомнив подробности совершенного над ней зверства.

– Нет, с ней поступили другим жестоким образом.

– Так и есть.

Кто-то проткнул ее брюшную полость неизвестным предметом. Мы так и не поняли, причинил эти повреждения какой-то механизм или нечто иное. На месте преступления были найдены какие-то приспособления. Как мы впоследствии обнаружили, это была часть плана моего брата подве-

сти электрический ток к мертвым тканям.

– Натаниэль пишет в этом письме о Джекиле и Хайде, – продолжала я. – Но вот это место указывает на его увлечение доктором Франкенштейном и его монстром.

– Боюсь, я потерял нить, Уодсворт. Ты считаешь, что твой брат использовал готический роман как источник материалов для убийств?

– Не совсем. Думаю, Натаниэль может быть виновен в смерти мисс Эммы Элизабет Смит. Он был одержим слиянием механизма и человека. Нападение на нее сюда вписывается. Так же, как и гальванические эксперименты. Доктор Гальвани продемонстрировал, что удары током заставляют мышцы мертвой лягушки сокращаться. Натаниэль пытался усовершенствовать его теорию и пошел дальше – хотел возвращать людей к жизни посредством более сильных электрических разрядов.

– Полагаю, мы установили, что мисс Смит скорее всего жертва Потрошителя, – осторожно сказал Томас.

– Да, установили. Но там что-то не сходится. Даже если его способы убийства менялись по мере совершенствования смертоносных талантов, убийство мисс Смит не было конечной целью. В отличие от остальных. Ее покалечили, но я не думаю, что он хотел ее убить. Он хотел, чтобы она жила. Вот в чем был для него смысл. Натаниэля не интересовали убийства живых существ. Он стремился найти способ оживить их.

Томас слушал молча и неподвижно.

– Томас, Натаниэль убил Эмму, но он никогда не был Джеком-потрошителем. Он был человеком, который создал Джека-потрошителя. Или, возможно, дружил с ним.

Томас глянул на даты, которые я поспешно нацарапала. На его лице отразилась борьба чувств.

– Если Натаниэль напал на Эмму в апреле, возможно, ее смерть растревожила его. Похоже, какая-то его часть не могла снова пересечь эту черту. По крайней мере, не мог он сам. – Томас внимательно оглядел меня. – В его поведении не проявлялись признаки того, что он считает себя спасителем?

Я качнула было головой, но тут же всплыло воспоминание.

– В детстве ему становилось физически плохо, если не удавалось спасти бродячего кота или собаку. Для него была невыносима мысль о чьей-то смерти. Он по нескольку дней лежал в постели, плакал или смотрел в потолок. Это было ужасно, и я никак не могла вытащить его из этого мрачного настроения. – Я сделала глубокий вдох, стараясь не потеряться в мыслях о прошлом. – Если мисс Марта Табрам – первая настоящая жертва Потрошителя, это значит, что у Натаниэля было почти четыре месяца, чтобы создать собственного монстра. Это его собственные слова. – Я ткнула в письмо. – Что он работал с другим. Полагаю, мой брат побуждал убивать и работал с полученными органами, а

остальные преступления в действительности совершил другой человек.

– Это не снимает вины с твоего брата, – мягко сказал Томас.

Я опустила голову. Если моя теория верна, Натаниэль превратил в клинок другого человека, что вовсе не делает его самого невиновным. И тем не менее, снова оказавшись лицом к лицу с его виной, я испытала предсказуемую безотчетную боль. Мы, люди, не можем перестать любить наших монстров.

– Знаю.

Томас повернул голову из стороны в сторону.

– По-прежнему существует вероятность, что Натаниэль просто копировал убийство мисс Смит, узнав подробности из газет. Возможно, его разыскал настоящий убийца или наоборот. Сейчас это просто домыслы, а ты знаешь, что говорит на этот счет твой дядя.

Домыслы бесполезны. Нам нужны факты. Я посмотрела на стопку дневников на кровати Томаса. Брат написал целые тома. Я боялась, что уйдут годы, чтобы распутать все новые нити, которые он связал в клубок. Стоя за спиной, Томас опустил руки мне на плечи и принялся медленно массировать, снимая напряжение.

– Уодсворт, это всего лишь головоломка, которую нужно решить. Разберемся в ней вместе.

Я подавила новый приступ слез и взяла Томаса за руку.

– Я…

– Если вы оба не против присоединиться к нам, – произнес дядя, заходя в комнату и сверкнув глазами на вторую руку Томаса, все еще лежащую на моем плече, – то инспектор Бирнс ждет в приемной.

Глава 7. Улица Скорби

Бабушкина приемная
Пятая авеню, Нью-Йорк
21 января 1889 года

Инспектор Бирнс стоял, сцепив за спиной мощные руки, и рассматривал висевший над камином дедушкин портрет. Судя по выпрямленной спине и общей напряженности инспектора, словно готового атаковать при малейшем намеке на опасность, новости были плохими. Впрочем, другого я и не ожидала.

– Инспектор, спасибо, что зашли так поздно, – сказал дядя вместо приветствия. – Выпьете что-нибудь?

Инспектор повернулся к нам и достал из пальто сложенную газету. Он шлепнул ее на изящный приставной столик и, наклонившись, сквозь зубы прочитал заголовок. При этом его щеки почти побагровели.

– «Джек-потрошитель явился в Америку». Утром этот омерзительный заголовок будет выкрикивать каждый мальчишка-газетчик в городе. Не знаю, что произошло в Лондоне, но здесь я этого не потерплю!

Он выпрямился и через мгновение взял себя в руки.

– Доктор Уодсворт, я не позволю Джеку-потрошителю посеять страх в сердце моего города.

У дяди на лице дернулся мускул, единственный признак того, что он начинает сердиться.

– Я ученый, а не аппарат для предсказаний. Если вы расскажете мне больше подробностей, возможно, я смогу составить лучшее суждение или психологический портрет убийцы. Различия в ранах на телах жертв помогут ослабить истерию. Но боюсь, пока вы не поделитесь своими открытиями, мне нечего вам предложить.

– Хорошо. Хотите больше фактов? Мы установили личность жертвы. Мисс Кэрри Браун, местная шлю… проститутка, – сказал Бирнс, заменив слово явно из-за моего присутствия. Какой приятный джентльмен. Я чуть не закатила глаза. – Друзья звали ее Шекспириха, поскольку, напившись, она постоянно его цитировала.

Мы с Томасом переглянулись. Теперь, когда существовала значительная вероятность того, что Потрошитель живздоров, было трудно игнорировать сходство с его предыдущими убийствами. Известно, что он нападал на пьющих проституток. Совсем как этот убийца.

– Появилась ее подруга, Элис Салливан, – продолжал Бирнс. – Она сказала, что в тот день виделась с Кэрри дважды. Кэрри несколько дней ничего не ела, поэтому после обеда Элис купила в салуне ей и себе сэндвичи. Она утверждает, что еще раз они встретились в местной христианской миссии, после чего каждая отправилась по своим делам.

– Во сколько ее видели в последний раз? – спросил дядя.

– Элис сказала, что около половины девятого вечера. Видела ее с мужчиной по имени Френчи.

– Элис последняя, кто видел ее живой с ним? – спросила я.

Инспектор Бирнс покачал головой.

– Мэри Минтер, хозяйка отеля, видела, как позже тем вечером Кэрри вела к себе в комнату мужчину. Она говорит, что у него был черный котелок и густые усы. Очень подозрительный. Не смотрел никому в глаза, не поднимал головы. Как будто старался, чтобы его не заметили. У нас нет подтверждений, был ли это Френчи или кто-то другой.

– Френчи нашли? – спросил дядя.

– Скорее всего, вчера вечером ее видели с двумя разными Френчи. – В ответ на недоуменный вид дяди инспектор пояснил: – Френчи – популярное прозвище в том районе. Одного зовут Исаак Перрингер. Второго мы еще ищем. Пока мы зовем их Френчи номер один и Френчи номер два. Поисками занимаются мои лучшие люди. Мы их задержим и покажем свидетелям.

– В большинстве отелей, даже самых сомнительных, требуют сделать запись в журнале регистрации, – сказал Томас. – Кто-нибудь из ваших сотрудников интересовался этим?

– Конечно. Вы думаете, мы тут совсем дураки? – Бирнс испепелил Томаса взглядом. – Он зарегистрировался как К. Николо с супругой.

– У вас есть фотография журнала регистрации? – спросила я.

Бирнс нахмурился. То ли из-за нашего допроса по поводу его работы, то ли я застала его врасплох.

– Не думаю. А зачем?

– Анализ почерка может доказать, что это убийство не связано с лондонским Потрошителем, – пояснил дядя, быстро кивнув мне в знак одобрения. – Если вы так рветесь заткнуть газеты, это было бы отличным способом показать, что почерк преступника отличается от известных писем Потрошителя. Этого факта и свидетеля, видевшего одного из Френчи на месте убийства, должно хватить, чтобы сдержать истерию по поводу Потрошителя.

– Вы ожидаете, что пьяницы, большинство из которых и в лучшие времена не обладали умом, будут надежными свидетелями?

Бирнс застегнул пальто и надел котелок. Я сдержала порыв напомнить ему, что это он предложил «задержать их», а не дядя. И к бутылке их привели не ум, а жизненные обстоятельства.

– Доктор Уодсворт, вы или невероятно наивны, или оптимистичны, или и то и другое. – Он коснулся пальцами шляпы и направился к двери. – Спокойной ночи.

– Инспектор? – спросил дядя, преграждая ему путь. – Нам предоставят доступ к телу?

Бирнс остановился, раздумывая.

– Она будет в морге Бельвью, пока ее вместе с другими невостребованными трупами не заберут на Блэквеллс-Айленд. На вашем месте я бы поехал сегодня. Иногда трупы недотягивают до утра. Особенно на улице Скорби.

* * *

Морг на Двадцать шестой улице, метко прозванной улицей Скорби, надо было называть склепом. Склепом из жутких фантазий По или зловещих историй про вампиров. Темный, сырой, пахнущий разложением и человеческими испражнениями. Если бы я не сдерживала воображение, то могла бы убедить себя, что слышу слабое биение зарытого в землю сердца.

Морг располагался под злополучной больницей, покойники в нем кучами лежали на деревянных столах. Я никогда не видела такого неуважения к мертвым и еле поборола ужас. Тела складывали так плотно, что я задалась вопросом, как они помещают новые трупы на соседние столы, не уронив другие.

Дядя остановился в дверном проеме, оглядывая тела в разных стадиях разложения. У него заслезились глаза, и он достал из внутреннего кармана носовой платок. Один из трупов поблизости уже начал раздуваться, и пальцы на руках и ногах стали черно-синими.

Мужчина в мясницком фартуке взглянул на нас и вернул-

ся к осмотру тел. Свечи горели в опасной близости к трупам. Двое юношей в черном стояли в тени и со скучающим видом наблюдали за коронером. Показав на довольно свежий на вид труп, тот рявкнул:

– Этот сгодится. Забирайте и проваливайте.

Их скука превратилась в хорошо знакомую мне вспышку «голода». Юноши шагнули вперед и забрали указанного покойника. Труп пожилого мужчины погрузили на каталку, быстро набросили на него простыню и выкатили из помещения. Колеса загремели по коридору. Заметив, что я нахмурилась, Томас наклонился и прошептал:

– Студенты-медики.

– Интерны. – Старик повернулся к нам, разглядывая дядю с плохо скрываемым раздражением, и достал карманные часы. Была почти полночь. – Вы профессор из Лондона?

– Доктор Джонатан Уодсворт.

Дядя снова оглядел помещение, мерцание свечей отразилось в его очках, словно пламя. Я поборола дрожь. Он походил на мстительного демона.

– Мне сказали, что тело мисс Кэрри Браун здесь. Вы не против показать его нам?

– Шлюха?

Недовольное лицо коронера ясно говорило, что он, конечно же, против того, чтобы его отвлекали от дел, тем более ради какой-то проститутки. Я стиснула кулаки.

– Если хотите. – Он ткнул большим пальцем в сторону

длинного узкого прохода между покойниками. – Сюда.

Томас, как истинный джентльмен, протянул руку вслед двум удаляющимся вдоль ряда трупов мужчинам.

– После тебя, любимая.

Я натянуто улыбнулась ему и последовала за дядей. Трость то тихо, то громко стучала по каменному полу с кучками опилок. Я не боялась трупов – с ними мне было на удивление комфортно. Но от окружающей атмосферы и неуважения к научным исследованиям кожа покрылась мурашками. И еще от личинок, копошащихся в пропитанных кровью опилках, которые не подметали довольно давно.

В конце ряда трупов, недалеко от гудящей над головой одинокой лампочки, мы остановились над останками мисс Кэрри Браун. К моему негодованию, ее обмыли. Бледную кожу, испещренную темно-синими венами, портили только колотые раны. Дядя на мгновение прикрыл глаза, скорее всего пытаясь сдержать гнев.

– Ее обмыли.

– А как же. Нельзя же держать ее здесь грязной и вонючей.

Наглая ложь. Другие трупы не мыли. Наверное, он пытался привести ее в порядок, чтобы продать доктору в анатомическом театре над моргом. Возможная жертва Джека-потрошителя стала бы гвоздем программы. Я непроизвольно шагнула вперед, и Томас взял меня за локоть. Я бы не стала прибегать к насилию, но мне хотелось задушить мужчину. Мисс Кэрри Браун и так была вынуждена продавать себя при жиз-

ни, этот человек не имел права торговать ее плотью после смерти.

– Вы сфотографировали тело до того, как стерли улики? – спросила я.

– Вы санитарка? – сощурился коронер. – Нынче доктора посылают вниз кого ни попадя забирать подопытных.

Я раздула ноздри. Томас осторожно встал передо мной. Он беспокоился за безопасность старика – не мою.

– Мисс Уодсворт обладает исключительными способностями в области вскрытия. Ее вопрос закономерен, сэр. На следы крови часто не обращают внимания, но мы обнаружили случаи, когда их изучение позволяет проследить смертельные удары убийцы.

– И эта лондонская заумь помогла Скотленд-Ярду найти Джека-потрошителя? – Он покачал головой. – У вас есть тридцать минут, прежде чем за ней приедет катафалк. Если не хотите последовать за ней на остров невостребованных трупов, предлагаю сосредоточиться на том, за чем вы пришли.

Дядя поднял ладонь, одновременно приказывая и прося замолчать. Кипя от невежества этого грубияна, я молча досчитала до десяти, воображая все способы, которыми могу его вскрыть, пока не успокоилась. Дядя достал из медицинской сумки фартук и передал мне, глядя на мою ногу.

– Если это слишком…

– Я в порядке, сэр. – Я прислонила трость к столу для

трупов и завязала фартук. – Мне сделать первоначальный разрез или ассистировать вам?

Дядя посмотрел на мои упрямо сжатые челюсти, на горящий в глазах вызов и одобрительно кивнул. Он хорошо меня научил.

– Не забудь туго натянуть кожу.

Глава 8. Барон Сомерсет

Бабушкина приемная
Пятая авеню, Нью-Йорк
22 января 1889 года

– Может, присядешь ко мне на колени?

Я крутанулась, и Томас приподнял уголок губ в озорной усмешке.

– Твоя беготня оказывает любопытное влияние на мой пульс. Если мы отвлекаемся от расследования, то есть более интересные способы провести время с учащенным сердцебиением.

– Кресуэлл, вряд сейчас время для таких… занятий.

– Самое время. Твой дядя гуляет с Лизой по городу. Миссис Харви, благослови господь ее предсказуемость, прилегла вздремнуть. Это означает, что мы с тобой одни в доме. Если сравнивать с мотивацией какого-нибудь убийцы, то нельзя пренебрегать такой превосходной возможностью. Мне тебя поцеловать или сначала ты меня?

– О да. Теперь, когда ты сравнил наше романтическое свидание с убийством, мне как раз захотелось целоваться.

Я послала ему свой самый недоверчивый взгляд.

– За последние двадцать четыре часа мы обнаружили, что Джек-потрошитель может оказаться не тем, на кого мы ду-

мали, и что он по-прежнему жив. Была зверски убита женщина. Через считаные часы приедет мой отец и будет решать нашу судьбу, а ты как ни в чем не бывало развалился на кушетке, пьешь кофе, пробуешь птифуры и выдаешь неуместные двусмысленные шуточки.

– Они не такие уж неуместные, если интересны тебе. Судя по твоему румянцу и тому, каким порочным взглядом ты смотришь на мой рот, я бы сказал, что ты вовсе не прочь обесчестить меня прямо сейчас.

– Неужели у тебя нет никаких моральных принципов?

– Не смеши, конечно, у меня есть моральные принципы. Один или два.

– Серьезно, Кресуэлл?

Я не могла поверить в его беспечность в такой ситуации, когда, на мой взгляд, мир вокруг нас рушился.

– Честно. Самое большее три.

Томас забросил в рот еще одно пирожное и вытянул перед собой ноги. Его грудь ровно поднималась и опадала. Это просто безумие – быть таким спокойным и собранным, когда внутри меня словно бушует буря.

Он усмехнулся.

– Твой отец, лорд Уодсворт, великий барон Сомерсет, обожает меня и желает видеть тебя счастливой. Так что здесь не о чем волноваться. Мы в одном шаге от раскрытия убийств Потрошителя. Это повод для праздника. – Он поднял чашку. – Этот чай на травах, который заварила Лиза пе-

ред уходом, необычен, но довольно приятен.

Он отпил глоток, пожирая меня обжигающим взглядом, вполне способным прожечь дыру в моей решимости.

– И это искреннее предложение, а не двусмысленность.

– Джентльмены не делают своим возлюбленным таких грубых предложений.

В его глазах вспыхнули искры.

– Только прохвосты, и они гораздо забавнее.

В глубине души мне хотелось упасть в его объятия и целоваться, пока не растают наши тревоги, но это невозможно. Я бросила на Томаса быстрый взгляд, восхищаясь его темно-синим костюмом. Возможно, Томас скорее прохвост, чем джентльмен, но он всегда одевается как принц. И это утро не исключение. Я перевела взгляд с узоров его жилета на аккуратный узел шейного платка и перекочевала вверх на полные губы. Они изогнулись в лукавой усмешке, и я вспыхнула, сообразив, что меня поймали на восхищении.

– Обещаю, что не буду кусать и щипать никаким неуместным образом. Прошу. – И он с дьявольским, а вовсе не с невинным выражением лица похлопал по свободному месту рядом с собой. – У меня есть для тебя кое-что.

– Томас…

– Клянусь. – Он перекрестился. – Вот.

Перегнувшись, он с триумфом вытащил что-то из-за кресла. Длинную и тонкую угольно-черную коробку, перевязанную красивой черной лентой. Я подошла и села рядом с То-

масом, отложив трость и взяв коробку. Не в силах сдержаться, немного потрясла подарок. Что бы там ни находилось, упаковано было надежно. Ничего не гремело.

Томас рассмеялся.

– Открывай же.

Не нуждаясь в дальнейших уговорах, я развязала ленточку и сняла крышку. Внутри на алом бархате поблескивала новая трость. У меня на мгновение замерло сердце. Я думала, что моя роза черного дерева эффектна, но Томас нашел еще один способ поразить меня. Я достала трость, восхищаясь тонкой работой.

Деревянный черенок был темным, почти черным, со слабым оттенком алого. Вокруг кованой рукоятки свернулся серебряный дракон с рубинами вместо глаз. Он разинул пасть, словно собирался изрыгнуть пламя. Я сразу ощутила с ним родство.

– Это палисандр. У мамы были шахматы из такой древесины. Мы иногда играли, если я не мог уснуть.

Томас нажал на рубиновый глаз, и внизу из трости выскочил тонкий клинок.

– Я решил, что тебе это понравится. Немного напоминает Генри, дракона, который был у нас дома в Бухаресте. Я тебе о нем рассказывал.

Он говорил застенчиво, нерешительно. Я наблюдала за тем, как он, прикусив губу, вертит клинок.

– Может, я чересчур самоуверен, но я… Я надеюсь, что

ты будешь не против носить мой семейный символ. А если не захочешь, я закажу другой, так что, прошу, не чувствуй себя обязанной. Я…

– Томас, я в восторге. – Я провела пальцем по чешуйчатой голове дракона. Слова застревали в горле. – Для меня честь, что ты поделился со мной своим семейным наследием.

– Я не хотел, чтобы ты сочла, будто я пытаюсь решать за тебя.

Я засмеялась.

– О Томас, я так тебя люблю!

Всю его застенчивость и нерешительность как ветром сдуло. Вновь обретя уверенность и твердость, он смело осмотрел меня, перевел пристальный взгляд с моих глаз на губы, где на мгновение задержался. Клянусь, этот парень обладает способностью поджигать человека одним взглядом.

– Я хочу, чтобы у тебя всегда был выбор.

Выбор. Это было бы великолепно. Я посмотрела на гору дневников, ожидающих нас на столе. Предстоит так много работы. Осталось так много нераскрытых тайн. Умом я понимала, что нужно сосредоточиться на расследовании преступлений, но сердцем хотела устроиться перед камином, обнять Томаса и целовать, пока нас обоих не охватит блаженство. Я позволила себе еще немного пофантазировать о жизни, в которой нам не нужно утруждать себя чем-либо, кроме чтения газет и хлопот по дому.

Мысленный образ женщины с распоротым животом резко

вернул меня к реальности.

Всегда улавливающий перемены в моем настроении, Томас помог мне подняться на ноги и вздохнул.

– Приступай к дневникам, а я принесу еще чаю.

Я удержала его за руку, крепко поцеловала, взлохматив ему волосы, и отступила назад, довольная его взъерошенным и удивленным видом.

– Захвати еще булочки и топленые сливки. И, наверное, еще птифуров. Обожаю сахарные цветочки с них.

* * *

Часа в четыре я бросила дневники. Натаниэль писал научные заметки вперемешку с цитатами из Данте, Милтона и Шелли. Было тяжело следить за ходом его мысли, и казалось, что им овладевает безумие, хотя меня не оставляло назойливое ощущение, что я упускаю ключевую подсказку, скрытую в его писанине. Как бы я ни старалась, я перечитывала одну и ту же фразу, и мой взгляд возвращался к секундной стрелке часов, которая тревожно двигалась вперед.

Почти час назад дядя уехал в порт встречать отца и тетушку.

Каждый раз, когда на улице грохотал экипаж, мое сердце начинало бешено колотиться в груди. Чтобы успокоиться, я перекладывала новую трость из одной руки в другую, сосредоточившись на гладкости палисандра и свирепом дра-

коне. Мы с Лизой переоделись в более изысканные платья, и мои лавандовые юбки довольно резко контрастировали с грозной, украшенной красноглазым драконом тростью.

– Помни, Уодсворт, твой отец меня обожает. – Томас выдернул меня из нарастающего беспокойства, мастерски прочитывая малейшие изменения в моем настроении. – Предоставь мне очаровывать его.

Уголки моих губ дернулись вверх.

– Да, конечно, если так, то это ясно указывает, что отец опять злоупотребляет своим тоником.

– Или что он совсем не разбирается в людях, – добавила Лиза, потешаясь над хмурым видом Томаса. – Не сердитесь, мистер Кресуэлл, я только констатирую факты. Знаете, такие кусочки логики и суровой правды, которые вы без умолку вываливаете на нас?

– Прекрасно, – сказал он. – Вы обе повеселели.

– Ты первый начал, – ответила я, теперь целиком сосредоточившись на нем, а не на своих переживаниях.

Томас весело ухмыльнулся из-за дневника, от которого не отрывался весь день. Я поступила очень по-взрослому, показав ему язык, и его глаза потемнели так, что мое сердце заколотилось уже по другой причине. Несмотря на все мои усилия, у меня вспыхнули щеки, а этот плут подмигнул и опять углубился в чтение. Я чуть не закатила глаза.

Лиза несколько раз вставала и отодвигала тяжелые бархатные шторы, чтобы посмотреть на улицу. Потом садилась

рядом со мной и принималась за рукоделие, а когда мимо вновь грохотали колеса, бросала его и почти бегом кидалась к окну. Казалось, что ее юбки увеличиваются в объеме в зависимости от настроения хозяйки, а сегодня они были пышными до невозможности. Она так же нервничала, как и я. Возможно, даже чуть больше. Тетушка Амелия – и в хорошие дни – сила, с которой приходится считаться. А я боялась, что сегодня будет не лучший ее день.

– Это смешно, – проговорила Лиза. – Не убьют же нас родители.

Она быстро обернулась на меня через плечо.

– Им же не сойдет с рук убийство собственных детей?

– Это зависит от того, насколько хорошо они спрячут ваши тела.

Томас едва увернулся от подушки, пролетевшей у его головы. Я улыбнулась, а Лиза пробормотала под нос несколько не подобающих леди ругательств.

В бесконечных попытках предоставить мне свободу отец позволил нам отплыть в Нью-Йорк с дядей и Томасом, чтобы помогать им в криминалистике, но с тетушкой Амелией случилась истерика, когда Лиза пропала, не оставив даже записки. Известие о том, что ее благовоспитанная дочь сбежала с бродячим карнавалом, наверняка превратит все ее страхи в бешеную ярость. Я подозревала, что тетушка может закатить истерику при виде Лизы. И вполне вероятно, что запрет ее в какой-нибудь башне.

Я нацепила на лицо самую бодрую улыбку.

– Твоя мама очень обрадуется, увидев тебя.

Скорее всего, после того как отчитает Лизу и запрет в ее комнатах на всю оставшуюся жизнь. Кузина взглядом уличила меня во лжи, но опять повернулась к окну и смертельно побледнела.

– Они здесь.

– Очень смешно.

– Это правда. – Лиза прижала руку к животу. – Сейчас твой отец выходит из экипажа.

Я удивилась своему внезапному спокойствию. Казалось, что мое сердце или пропустило удар, или вообще остановилось. Я украдкой бросила взгляд на Томаса, надеясь, что он так же нервничает, как мы с кузиной, но он вскочил и начал беспечно прыгать.

Я с открытым ртом уставилась на то, как он перескакивает с ноги на ногу.

Он поймал мой взгляд.

– Что? Разве молодой человек не может без осуждения время от времени хорошенько попрыгать?

Я покачала головой.

– Ты вообще не волнуешься?

– О чем? – Он сдвинул брови. – По поводу встречи с твоими отцом и тетей?

При всей своей гениальности он бывал совершенно непонятливым.

– О, даже не знаю. Например, о таком простом деле, как попросить моей руки у моего отца?

– С чего бы мне об этом волноваться? – Томас помог мне подняться и опять разулыбался. – Я ждал этого момента, как ребенок, считающий дни до прихода Рождества. Если бы это было в человеческих силах, я бы поплыл в Англию и привез твоего отца на орнитоптере да Винчи в ту же секунду, когда ты сказала о своих желаниях.

– Ты…

– Невозможно прекрасен и абсолютно очарователен, и да, тебе хотелось бы совратить меня прямо сейчас. Так давай же поторопимся?

Кузина у окна фыркнула.

– Теперь я понимаю, почему Одри Роуз называет тебя «невыносимо очаровательным» с ударением на первом слове.

Томас обхватил рукой Лизу и повел нас обеих в коридор.

– Если ты считаешь меня несносным сейчас, подожди, пока мы не станем кузенами. Я обладаю особым талантом больше всего раздражать родственников. Спроси моего отца.

При этих словах кузина забыла про свои тревоги. Томас редко говорил о своей семье, которая нас в высшей степени интриговала.

– А когда мы встретимся с твоим отцом?

Похоже, Лиза не заметила мгновения замешательства или того, как он быстро стиснул зубы, но я наблюдала внимательно

но. Одно дыхание – и все это прошло. Я мало знала о его семье со стороны отца, но из рассказов Томаса по крупицам собрала достаточно, чтобы понять: отношения у них очень напряженные.

– Он постоянно испытывает необходимость выделяться и покорять всех своим очарованием, – ответил Томас. – Если вы считаете меня эксцентричным, подождите, пока не познакомитесь с лордом Ричардом Эбботом Кресуэллом. Он сразу меня затмит, о чем будет вам напоминать. Часто.

Лиза резко остановилась, разинув рот. Волнения насчет выволочки от матери отошли на дальний план.

– Герцог Портленд – твой отец? – Она с укором посмотрела на меня. – Ты знала, что его отец герцог?

Я медленно покачала головой. Мать Томаса состояла в дальнем родстве с королевской семьей Румынии, и я представляла, что его отец – о котором он говорил, что тот женился не по любви, а по расчету, – тщательно выбирал себе невесту. Лорд Кресуэлл не тот человек, который вступит в неравный брак. Я никогда не спрашивала прямо, но предполагала, что он граф или герцог.

Среди аристократии было несколько Кресуэллов, я просто не знала, что отец Томаса носил среди них самый высокий титул. Во мне шевельнулось беспокойство. Общество будет шептаться на мой счет еще больше. Меня будут называть всеми неприятными словами.

Словно прочитав мои мысли, Лиза заявила:

– Если вы с Томасом поженитесь, тебя станут считать выскочкой!

В этот момент дверь на улицу открылась. Улыбка тут же слетела с лица моего отца.

– Кто посмеет так называть мою дочь?

Глава 9. Отчаянная просьба

Парадная прихожая бабушки
Пятая авеню, Нью-Йорк
22 января 1889 года

Тетушка Амелия за спиной моего грозного отца, наверное, перекрестилась при мысли о неодобрении общества. Не прошло и тридцати секунд, и все ее внимание сосредоточилось на мне. Я подняла глаза на потолочную розетку, желая, чтобы она каким-то чудом вызволила меня из этой ситуации. Лиза виновато посмотрела на меня, но язык прикусила. Теперь внимание ее матери будет направлено исключительно на избавление меня от любых недостатков. Тетушка никогда не могла устоять против благотворительности.

– После того как я приму горячую ванну и смою грязь трансатлантического путешествия, нам с тобой надо заняться вышиванием, – сказала тетя вместо приветствия. – Помощь бедным также поспособствует прекращению сплетен. Твои занятия медициной могут пригодиться. Ты можешь прослыть новой Кларой Бартон[7].

Дядя, терпеливо молчавший, пока все толпились в прихожей, закатил глаза.

---

[7] Клара Бартон (1821–1912) – основательница Американского Красного Креста.

– Да, дорогая сестра, какое мудрое предложение. И было бы еще мудрее, если бы Одри Роуз вообще была сведуща в сестринском деле. Поскольку она занимается мертвецами, придется поискать для нее другие виды благотворительности. Трупам не нужны медикаменты или заштопанные чулки.

Тетушка негодующе фыркнула и задрала нос.

– У твоей бабушки красивый дом. Леди Эверли присоединится к нам вечером?

– Нет, тетя. В последнем письме она сообщала, что находится в Индии, но настаивала, чтобы мы поселились здесь, пока я…

Я посмотрела на трость. Я не писала отцу о своей ране, и он был слишком тихим с момента входа в дом. Поскольку он, нахмурившись, рассматривал мою ногу, я поняла, почему он молчит. Мне придется многое объяснить.

– Я…

– Так приятно видеть вас обоих, – взялась за дело Лиза. Она подбежала поцеловать мать в щеку и засуетилась, как наседка. – Как будто сто лет прошло! Как путешествие? Погода ужасная! Эти отвратительные снег с дождем. Подолы моих платьев знавали лучшие времена.

Тетушка медлила с ответом, затягивая неловкую паузу. Она разглядывала дочь, будто незнакомку, предложившую ей букет из собачьих какашек. Лиза никогда не перечила матери открыто, она бунтовала исподволь. Это меня тете Амелии приходилось спасать, учитывая мое увлечение трупами

и неумение выбирать ухажеров. Она и представить не могла такого предательства, когда Лиза, не сказав ни слова, сбежала из Лондона, чтобы пересечь Атлантику с Гарри Гудини.

Не дав ей ответить, Лиза позвала дворецкого.

– Прикажите немедленно набрать ванну для мамы. Еще у меня в туалетной комнате есть сушеная лаванда и розовое масло. – Она ослепительно улыбнулась матери. – Лаванда так успокаивает, согласись. Я читала про смеси трав. Кто бы мог подумать, что лепесткам есть столько применений?

Она ловко взяла тетю под руку и повела ее наверх и подальше от меня. Томас вышел вперед и вежливо поклонился моему отцу.

– Лорд Уодсворт, чудесно видеть вас вновь. Надеюсь, ваше путешествие прошло хорошо.

Дядя обошел наше маленькое трио и, качая головой, исчез в коридоре. При этом он что-то бормотал себе под нос, очень похожее на «удачи вам обоим» и сразу же «напыщенный осел». Я сердито посмотрела ему вслед. Я думала, что они с отцом отбросили свою вражду, когда вместе устраивали меня в школу судебной медицины в Румынии. Определенно, им еще предстоит немало работы над отношениями.

Томас сделал вид, что не замечает, как отец медлит с ответом. Я же была готова выброситься из ближайшего окна, нервы совершенно расшатались. Отец окинул Томаса еще одним долгим взглядом, от которого у меня чуть не остановилось сердце, и кивнул. Не очень-то теплое приветствие,

на которое я надеялась, но в данных обстоятельствах не самое худшее. Он доверил Томасу присматривать за мной, и неважно, что моя поврежденная нога была результатом моего выбора и Томас ничего не мог с этим поделать. Наоборот, иногда я замечала, как он смотрит на мою хромоту, и задавалась вопросом, не думает ли он, что было бы лучше, если бы нож попал в него и, возможно, убил бы.

– Путешествие и правда было прекрасным. Чего я не могу сказать о состоянии своей дочери. – Он выразительно глянул на мою трость. – Полагаю, этому есть объяснение. – Он посмотрел мне в глаза, и его лицо смягчилось. – Если не возражаете, я бы хотел поговорить с Одри Роуз. Наедине.

– Конечно.

Томас еще раз вежливо поклонился и выпрямился. Он подмигнул мне и, напевая, удалился по коридору следом за дядей, оставив меня одну разбираться с множеством вопросов и тревог, которые я видела в отцовских глазах.

Я набрала воздуха в грудь. Пришло время выступить в защиту возможной помолвки.

– Пройдем в гостиную?

* * *

Трудно представить, что мы с отцом не виделись почти два месяца. Он выглядел более здоровым, чем я помнила: на лицо вернулся цвет, а глаза сияли. Пропала пепельно-се-

рая бледность, приставшая к нему, словно вторая кожа. Я медленно выдохнула. Я и не осознавала, насколько беспокоилась, что в мое отсутствие он вернется к своей зависимости. Печаль еще угадывалась в нем, но теперь он ее контролировал, а не наоборот.

Он сел за большой письменный стол и, сложив пальцы домиком, разглядывал новую версию своей дочери. Я же неподвижно стояла рядом.

– Ты не упоминала трость ни в одном из писем.

Я с трудом сглотнула, сосредоточившись на рукояти с драконом. Этот символ дома Томаса придавал мне сил, и меня осенило: Томас нашел способ быть рядом, успокоить меня во время разговора с отцом. Он действительно подумал обо всем.

– Прошу прощения, сэр. Я не хотела расстраивать вас без необходимости. Я…

– Дорогая девочка. – Отец покачал головой. – Это не замечание. Я переживаю. Когда ты уезжала, то была цела, а теперь…

– Не сомневайтесь, отец. Я по-прежнему цела. Ни хромота, ни трость мне не помешают.

– Я не хотел тебя обидеть. – Он ласково улыбнулся. – Я вижу, что ты хорошо приспособилась. Дай мне время сделать то же самое. Ты же знаешь, я могу быть немного…

– Властным? – беззлобно спросила я. – Все, что мне нужно, это любовь и принятие.

– Тогда у тебя будет с избытком и того, и другого. – Его глаза затуманились. – Что ж, поскольку это решено, перейдем к другим вопросам. Джонатан говорит, что ты делаешь успехи в изучении судебной медицины. Он считает, что в скором будущем ты превзойдешь его в мастерстве.

Глаза неожиданно защипало, и я моргнула.

– Мне он этого не говорил.

– Полагаю, и не скажет. Пока не будет уверен, что это не ударит тебе в голову. Глупец. – Отцовские глаза сверкнули. – Он также говорит, что Томас прекрасный жених. Должен признать, когда я согласился отправить тебя в Румынию, то не ожидал от него просьбы о приватном разговоре. По крайней мере, не так скоро. Не знаю, мудро ли сейчас задумываться об ухаживаниях или помолвке. Вы еще молоды.

Вот оно. Я крепче сжала дракона.

– Честно говоря, сэр, я не планировала испытывать такие сильные чувства. Я… я пыталась сопротивляться им, но я искренне верю, что нашла свою половину. Не могу представить более идеального партнера, чтобы идти по жизни рука об руку.

– Прошу. Садись. – Отец показал на мягкое кресло напротив. Когда я присела на краешек, он продолжил осмотр. – Ты почти совершеннолетняя, но боюсь, что ты от многого отказываешься. Почему бы не вернуться к этому разговору через год? Если ваша любовь настоящая, то несколько месяцев ее не охладят. Если уж на то пошло, она расцветет еще сильнее.

Меня как будто ударили в грудь. Представляя этот разговор, я и подумать не могла, что отец может перенести нашу помолвку. Несколько месяцев назад он тайно пытался свести меня с детективом-инспектором, который происходил из солидной семьи. А теперь он хочет, чтобы я подождала. И все это не совпадало с моими желаниями.

– Отец, при всем уважении, мы с Томасом пережили такое, с чем большинство других пар никогда не столкнутся. Мы прошли испытания, и ни одна кочка, поворот или трещина нас не сломили. Это сделало нашу связь только сильнее. Я могу подождать еще год, два или десять, но это не будет иметь значения. Истина в том, что я люблю Томаса Кресуэлла и хочу разделить свою жизнь с ним.

– А как же твоя учеба? Ты откажешься от того, за что так упорно боролась, просто чтобы стать хозяйкой дома? – Отец отпил вина из бокала, который я не заметила раньше. – Учитывая, что Томас происходит из знатной династии, у тебя будет роскошный дом. Этого ты хочешь от жизни? Если ты решишь не выходить замуж, то унаследуешь нашу собственность. – Он пристально посмотрел на меня. Еще один выбор. Минус еще один прут в моей клетке. – Как только ты выйдешь замуж, все это имущество перейдет к твоему мужу. И он получит право делать с ним все, что пожелает, не спрашивая твоего мнения. Ты уверена, что хочешь именно этого? Ты достаточно знаешь Томаса, чтобы доверять ему в таких вопросах?

Я ждала дрожи от страха. Знакомая нарастающая истерика, заставляющая меня бежать. Но ничего не случилось. Скорее наоборот, моя решимость расплавилась и застыла, превратившись в нечто нерушимое.

– Я полностью доверяю ему. Он не стремился завоевать мою привязанность и доверие одними словами, он делом показал, каков он. Особенно во время нашего путешествия в прошлом месяце. Мы с Томасом напишем свои правила. Я не оставлю свои занятия, а он не оставит свои. Наша любовь построена на взаимном уважении и восхищении. Я люблю Томаса за то, кто он есть. Он не хочет изменить меня, или посадить в клетку, или сделать из меня идеальную куклу и хвастаться мной.

Я еще раз глубоко вдохнула.

– Если наш брак расстроится, он никогда не заберет мой дом или имущество. Но я не верю, – быстро добавила я, заметив, что отец готов ухватиться за это, – что наш союз будет неудачным. Наоборот, я уверена, что это только начало нашей истории. Впереди у нас бесчисленные приключения.

Отец откинулся на спинку, отчего кожаное кресло заскрипело, и выпил еще вина. Несколько мгновений мы сидели в уютном молчании, глядя друг на друга. Это не было неприятно. В углу трещал огонь, вокруг витали ароматы кожи и сандалового дерева. Так уютно и приятно просто снова сидеть с отцом. Наконец он глубоко вдохнул, похоже, приняв решение. На его лице было невозможно что-либо прочитать.

– Пригласи, пожалуйста, Томаса.

– Сэр? – спросила я, с отвращением услышав волнение в голосе. – Вы же согласитесь?

– Возможно.

Меня охватило облегчение. Чуть не упав с кресла, я вскочила и обняла отца за шею.

– Спасибо! Большое спасибо, отец!

Он прижал меня к себе, посмеиваясь.

– Ну-ну, дитя. Повремени с благодарностями. Давай сначала выслушаем, что скажет твой мистер Кресуэлл.

Глава 10. Доставка тела

Коридор бабушкиного дома
Пятая авеню, Нью-Йорк
22 января 1889 года

Я прокралась в приемную и приоткрыла дверь. Томас стоял перед гостиной, расправив плечи, словно готовился к бою. Полагаю, это и была своего рода битва – ему предстояло сражаться за мою руку против отца, который пока что не желает ее уступать. Я призвала все свое самообладание, чтобы не подойти к нему. Он казался настроенным решительно, но то, как он смотрел на закрытую дверь, выдавало его волнение. Мало что могло сбить с Томаса спесь, хотя присутствие моего отца, очевидно, с этим прекрасно справилось. Я уже просила отца, и теперь очередь Томаса бороться за нас обоих.

Из-за угла вышел дядя с фартуком в руке.

– Привезли тело. Я оборудовал для вскрытия каретный сарай. Собери инструменты и немедленно иди туда.

У меня вспыхнули щеки, когда Томас вытянул шею в нашем направлении. Вот и вся скрытность.

– А вы… это не может подождать? – Я махнула на комнату, в которой наконец исчез Томас. Дядя прекрасно знает, что происходит и как это важно. – Томас…

– Тратит время на сердечные дела, когда у нас есть более

важные обязанности. – Его глаза предупреждающе сверкнули. – Не напоминай мне о его ложных приоритетах. Если вы не пересмотрите свои цели, я исключу вас обоих из участия в этом деле и в любых будущих делах. Вы ведете себя как безумно влюбленные юнцы, а не как серьезные студенты судебной медицины. Отложите личные дела на свободное время.

С этими словами он пронесся мимо меня и захлопнул входную дверь. Я прикусила губу и бросила еще один взгляд на приемную. Так хотелось пойти за Томасом и узнать, что же решил отец, но дядя прав. Это дело самое важное в моей жизни. Если Джек-потрошитель жив, мне нужно внести ясность, прежде чем вести дальнейшие разговоры о свадьбе и любви.

Я велела вынести из дома мою медицинскую сумку и отправилась в каретный сарай, где ждало новое тело со своими секретами.

* * *

– Сосредоточься! Сколько весит левая почка? – спросил дядя, чуть ли не рыча.

На нашем импровизированном столе для вскрытия лежала очередная молодая женщина – безмолвная, в отличие от улицы, приглушенный шум которой доносился в каретный сарай. Однако меня отвлекали не только деревянные колеса,

громыхающие по мостовой, и еще одно растерзанное тело. Ужасно болела нога. Я сняла пальто и перчатки, чтобы не мешали работать, и страшно замерзла. Пока я взвешивала орган, у меня стучали зубы, а дыхание вырывалось маленькими белыми облачками.

– С-сто шестнадцать г-граммов, сэр.

Дядя переключил внимание со вскрытого тела на меня и сразу заметил дрожь, которую я больше не могла скрывать. Тяжелое бархатное платье угольного цвета с алой отделкой было достаточно теплым, чтобы сидеть в помещении с чашкой горячего чая и хорошей книгой, но в Нью-Йорке стоял январь, и погода была такой же коварной, как и убийца, оставляющий трупы, словно снежинки, по всем трущобам.

– Гривс! – крикнул дядя бедному конюху, которого подрядил для этого ужаснейшего задания.

Юноша появился в дверном проеме, украдкой бросил взгляд на убитую женщину и позеленел.

– Разожги огонь. Но имей в виду, не очень жаркий. Мы же не хотим ускорить разложение тела, верно?

Юноша покачал головой, теперь он был не просто зеленым – казалось, его вырвет при одной мысли о гниющем трупе в каретном сарае его госпожи. Трудно было понять, боялся ли он мою бабушку или тело жертвы. Он уже нездорово побледнел, когда дядя попросил его убрать все три бабушкиных экипажа и поставить на их место стол для вскрытия. Может, он боялся, что, когда бабушка это обнаружит, он сам

станет одним из тех покойников, которых мы режем.

– А потом проваливай!

В соседнем строении негромко ржали лошади, топая то ли одобрительно, то ли раздраженно, когда юноша добавил угля в затейливую железную печку в углу. Бабушкин особняк был роскошен для городского жилища – в нем были конюшня и каретный сарай. Огонь не сильно согрел место, где мы работали. Земля по-прежнему с удовольствием посылала под мои юбки волны холодного воздуха. Я размяла занемевшие пальцы, зная, что от меня не будет толку, если они останутся окоченевшими, как у трупа.

– Готова? – спросил дядя, поджав губы.

– Да, сэр.

Нога болела, но я стиснула зубы и даже не заикалась об этом, иначе дядя отослал бы меня прочь.

– Правая почка чуть крупнее – сто двадцать граммов.

Дядя протянул поднос для образцов, и я положила на него скользкий орган. Мое сердце подскочило, когда почка чуть не соскользнула с гладкой поверхности.

– Спокойно!

Дядя переложил ее в банку. Я посмотрела на готовый к использованию формалин, протерла скальпель карболовой кислотой и выбрала другой инструмент из разложенных на маленьком откидном столике. Теперь пора вынуть желудок и рассмотреть его содержимое в поисках секретов.

Несколько разрезов в нужных местах – и желудок лежит

на столе, готовый к дальнейшему исследованию. Я помедлила, встретив пристальный взгляд дяди, стоящего с другой стороны от трупа. Впервые я правильно поняла выражение его лица – это было любопытство. Как ни крути, это у нас наследственное. Он кивнул на орган, с трудом скрывая ненасытную жажду проверить и узнать. Я аккуратно разрезала желудок по центру, стараясь не погрузить лезвие слишком глубоко и не повредить уликам, которые могут там находиться.

Дядя протянул зубчатый пинцет, показывая на края разреза.

– Хорошо. Теперь потяни их в стороны – превосходно. Молодец. – Он поднял очки на переносицу. – Обрати внимание на запах.

Хотя это была вряд ли самая привлекательная часть нашей работы, я наклонилась ближе и сделала глубокий вдох.

– Если честно, немного пахнет элем. Это… возможно?

Дядя утвердительно кивнул.

– Вполне. Если жертва перебрала с выпивкой перед смертью, ничего необычного в том, что ее кровь пахнет алкоголем.

Я невольно скривила губы. Некоторые научные факты, неважно, насколько интригующие, были отвратительными.

– Тогда почему мы не заметили этого в комнате мисс Браун?

– Запах мог быть слишком слабым по сравнению с раз-

литым элем. Или мы могли решить, что воняет из перевернутого ведерка. – Дядя поправил фартук и заново его завязал. – Крайне необходимо всегда принимать во внимание место преступления. Мелкие детали, которые могут казаться посторонними, часто являются кусочками, которым еще предстоит найти место в головоломке.

В каретный сарай вошел Томас. Его лицо казалось непроницаемой маской. Я в заляпанном внутренностями фартуке пыталась уловить хотя бы намек на то, как прошла его встреча с моим отцом. Казалось, что месяцы изучения его особенностей канули в Лету. Видимо, он просто позволял мне делать выводы, а теперь лишил такой роскоши.

Я пыталась привлечь его внимание, но он упрямо делал вид, что ничего не замечает. Я невольно почувствовала себя слегка уязвленной. Томас Кресуэлл мог оставаться холодным человеком в лаборатории и обществе, но я не ожидала, что он станет таким же образом держаться и со мной. Тем более в день, когда он просил моей руки у отца. Наконец он обратил внимание на меня, но сразу переключился на труп. Разумеется, дело прежде всего.

– Кто это? – полюбопытствовал он нейтральным тоном. – Еще одна…

Ему не нужно было спрашивать о том, чего мы все боялись. Я стерла со своего лица всякое выражение, как со скальпеля, и повела плечом.

– На первый взгляд? Нет. Однако… – Я перевела взгляд

с желудка на голову и показала на отметины. – Она была задушена. Петехиальные кровоизлияния присутствуют. Как и легкие ссадины вокруг шеи. Видите?

Томас приблизился, сосредоточившись на повреждениях.

– Где ее нашли?

– Недалеко от места, где было обнаружено тело мисс Браун, – ответил дядя. – Ее бросили в переулке близ Малберри-стрит.

– В итальянских трущобах? – переспросил Томас. – Личность установили?

Дядя покачал головой.

– Полиция не смогла найти никого, кто бы ее знал. Может, она недавно приехала.

– Ясно. – Лицо Томаса выдало слабый намек на эмоцию. – Они не будут слишком утруждать себя расследованием, да?

Нахмурившись, я переключилась обратно на жертву.

– Почему нет? Она имеет право на такое же расследование, как и все остальные.

Дядя печально посмотрел на меня.

– Полиция не любит тратить время на иммигрантов.

– «Тратить время»? – Внутри меня закипело что-то красное и горячее. Меня так затрясло, что рука соскользнула и я чуть не поранилась скальпелем. – Она заслуживает того, чтобы ее историю рассказали. Разве имеет значение, откуда она родом? Она человек, такой же, как и все мы. Разве это не гарантирует ей надлежащего расследования?

– Если бы мир жил по таким принципам, мы бы все обрели покой. – Дядя показал на блокнот. – Приступим. Томас, старайся не упустить ни одной подробности. Давайте предоставим полиции более чем достаточно причин для того, чтобы продолжать поиски ее семьи и близких.

Дядя перевел взгляд на меня и прищурился, а я медленно повернулась обратно к желудку.

– Тебе надо ненадолго подходить к огню, иначе с твоей ногой будет очень плохо.

Со мной уже было очень плохо, и я не видела причин, почему бы и ноге не испытывать те же ощущения. Я вздернула подбородок.

– Проживу как-нибудь.

– Не так долго, как тебе хочется, если будешь себя так вести, – холодно ответил дядя. – Приступим. И если наша раздражительность прошла, давайте продолжим вскрытие.

Сердитая на дядю с Томасом и на весь белый свет, я сжала лезвие и принялась искать справедливость лучшим из известных мне способов.

Глава 11. Череп и роза

Комнаты Одри Роуз
Пятая авеню, Нью-Йорк
22 января 1889 года

Я была слишком упряма, чтобы это признать, но дядя снова оказался прав: вечером кости болели сильнее обычного. Мне тяжело долго стоять и без пронизывающего зимнего холода, от которого становилось еще хуже.

Когда мы зашили труп, я извинилась перед родными и приказала принести поднос с ужином в мои комнаты, надеясь, что в протопленной спальне под теплыми одеялами мне станет легче. Закончив есть, я села перед камином с чашкой горячего чая в руке, но только обожгла пальцы. Болезненный холод отказывался уходить. Зная, что утром будет еще хуже, я проковыляла в ванную комнату и повернула медный вентиль, задумав полежать в горячей ванне.

Я сняла халат и неуклюже забралась в ванну, морщась, пока не привыкла к горячей воде. Собрав волосы в запутанный узел, я положила голову на край фарфоровой ванны и вдохнула приятный травяной аромат. Лиза составляла не только чайные смеси, она делала для меня чу́дные ароматические соли, утверждая, что различные целебные свойства помогают от разных недомоганий. Конкретно эта, по ее словам, по-

мимо прочего выводит токсины и успокаивает нервы.

Правда или нет, но аромат был божественный. Роза с приятными нотками лаванды, лимонной мяты и эвкалипта расслабляли душу и тело. В последнее время я постоянно находилась в движении, кидалась от одной проблемы к другой, не останавливаясь, чтобы передохнуть. Я не привыкла анализировать каждое своё действие, и учиться этому было, мягко говоря, утомительно. Однако мое тело было суровым профессором: оно давало знать, когда с него хватит, и продолжало повторять один и тот же урок, пока я его не усвою. Я должна научиться беречь себя или же страдать от последствий.

Смерть. Убийство. Даже в расслабленном состоянии я не могла сбежать от этих ужасов. Я закрыла глаза, пытаясь стереть из памяти образы последнего изувеченного трупа. Отвратительно, что над женщиной может издеваться сначала убийца, а потом еще и люди, расследующие преступление. Это несправедливый мир – мир, который не проявляет милосердия к тем, кто в нем больше всего нуждается.

Надеясь, что соли для ванны прогонят эти мысли, я погрузилась глубже в воду, так что вода защекотала мочки ушей. Снаружи открылась и закрылась дверь, тихий щелчок напомнил мне звук, с которым пуля вставляется в барабан револьвера.

Я вздохнула. Вот и урвала несколько мгновений отдыха. Пришла горничная подбросить дров в камин? Я мысленно

взмолилась, чтобы это не оказалась тетушка с цитатами из Священного Писания. Я еще глубже опустилась в воду и притворилась, что не слышу, как она вошла. Вместо этого я сосредоточилась на том, чтобы расслабить каждую мышцу. Но шаги приближались, и я призвала на голову незваного гостя тысячу неприятностей.

– Уодсворт? – тихо позвал Томас и толкнул дверь, но остановился, когда я чуть не обрызгала его, торопясь хоть както прикрыться. Из всех…

Я скрестила руки в жалкой попытке сохранить благопристойность.

– Ты совсем рехнулся?

– Если и нет, то теперь уж точно.

Он медленно моргнул, безуспешно стараясь не пялиться на меня в ванне. У него не хватило совести даже покраснеть – он выглядел совершенно ошеломленным. Как будто никогда не видел тела без одежды. Наверное, только мертвых. Я была бы польщена его искренней реакцией, если бы не так сильно смутилась.

– Убирайся! – сурово прошептала я. – Если тетя или отец увидят тебя здесь…

– Все хорошо. Мы помолвлены. – Он вышел из ступора и опустился на колени возле меня. На его губах играла дьявольская улыбка. – Если ты еще хочешь этого.

– Отец согласился? – Я чуть не выпрыгнула из воды в его объятия, наплевав на приличия, но в последнюю секунду

спохватилась. – Поверить не могу, что ты весь вечер скрывал от меня!

Я откинулась обратно, и внимание Томаса переключилось на то место, где мои плечи выглядывали из воды. Его глаза опасно потемнели, разбудив во мне растущее желание.

– Хотя бы будь джентльменом и отвернись.

Выражение его лица намекало, что в данный момент он далеко не джентльмен, а моё выражение лица лишь подтверждало, что мне это нравится. Меня переполняло возбуждение. Я не могла отрицать, что наслаждаюсь силой его дедукции, когда она направлена на меня, и задумалась, каково будет ощущать его предельное внимание к деталям, если оно полностью сосредоточится на моем теле.

– Как помолвленной паре нам позволены некоторые вольности. Например, мы можем находиться наедине, за закрытыми дверями. – Он нарочито оглядел ванную комнату и кивнул на дверь. – Жаль было бы не воспользоваться этой возможностью.

Прохвост имел наглость намекать, что готов присоединиться ко мне. От подобных мыслей все мое тело охватил жар, и причиной тому была вовсе не горячая вода. Идея о совместном приёме ванны показалась мне… Я побрызгала водой на лицо. А когда снова посмотрела на Томаса, заметила у него на лбу легкую морщинку.

– Случилось что-то еще?

– Кроме необходимости сообщить тебе, что мы нако-

нец-то по-настоящему помолвлены, дорогая невеста?

Слово «невеста» вызвало легкий трепет. Я кивнула. А Томас, словно вспомнив, что пришел с более важной целью, чем флирт, достал из кармана небольшой ярко-синий мешочек и сосредоточился на нем.

– Моя сестра привезла подарки.

Я снова чуть не выпрыгнула из ванны, но только вытянула шею, чтобы посмотреть за спину Томаса. Не явится ли в мои комнаты и его сестра?

– Дачиана здесь?

– Они с Иляной приехали вскоре после ужина. Я хотел преподнести тебе сюрприз.

Он провел большим пальцем по бархатному мешочку, будто потерявшись в другом месте и времени.

– Кресуэлл? – осторожно окликнула я с возрастающим беспокойством. – Что это?

– Письмо.

Его голос звучал так печально, что у меня чуть не разорвалось сердце. Я показала на мешочек, пытаясь отвлечь Томаса от грустных мыслей.

– В жизни не видела такого странного письма.

Он быстро отвёл полуопущенный взгляд, полный смеха.

– Вместо того чтобы испытывать ужас перед неминуемой смертью и думать только о тьме, моя мама писала нам письма. Она не надеялась дожить до наших свадеб, но… – Он покачал головой и сглотнул ком в горле. Сейчас он не прятал

своих чувств, как во время вскрытия, когда казался холодным и отстраненным. – Одно из них она написала, чтобы я прочитал его, когда обручусь.

Забыв обо всех правилах в мире, я протянула руку и, заливая водой шестиугольные плитки, переплела наши пальцы.

– О, Томас. С тобой все хорошо?

Он кивнул, а по щеке скользнула одинокая слеза.

– Я почти забыл, каково это. Слушать мамины советы. Ее голос. Легкий акцент, который не был ни британским, ни румынским, а чем-то средним. Я скучаю по ней. Ни дня не проходит, чтобы я не мечтал провести с ней хотя бы мгновение. Я бы вечно хранил его, зная, насколько оно драгоценно.

Я ласково сжала его ладонь. В этих печальных обстоятельствах мы слишком хорошо понимали друг друга. Я и сама ужасно скучала по маме. Несмотря на восторг от согласия отца, готовиться к свадьбе без нее будет сложно. Ее отсутствие – как и отсутствие матери Томаса – сыграло большую роль в нашей второй просьбе к отцу. Я надеялась, что и на нее он тоже согласился.

– Письма от нее – это дар, – сказала я. – Бесценные мгновения – доказательство того, что некоторые вещи по-настоящему бессмертны. Например, любовь.

Томас вытер нос и улыбнулся, хотя на мой взгляд, его лицо еще оставалось мрачным.

– За гранью жизни, за гранью смерти. Моя любовь к тебе

бесконечна.

– Как красиво. Это было в письме?

– Нет. Это мои чувства к тебе.

Клянусь, мое сердце на мгновение остановилось. Юноша, которого лондонское общество считало всего лишь бесчувственной машиной, сочинил стихи. Томас быстро открыл бархатный мешочек и вытряхнул его содержимое на ладонь. Золотое кольцо с большим алым камнем, похожим на густую каплю разлитого мерло или отвердевшую каплю крови. Я ахнула, когда Томас поднес его к свету. От совершенства камня действительно захватывало дух.

– Красные алмазы – самые редкие в мире. – Томас повертел камень из стороны в сторону, демонстрируя его великолепие. Я не могла отвести глаз. – Мама говорила мне следовать зову сердца, невзирая на советы других людей, и отдать это кольцо той, кого я выберу в жены. Она сказала, что этот камень олицетворяет вечный фундамент, построенный на доверии и любви.

Он глубоко вдохнул.

– Я уже набросал для тебя эти строки: «За гранью жизни, за гранью смерти, моя любовь к тебе бесконечна». – При этом признании он покраснел. – Когда Дачиана отдала мне это письмо – сегодня, в день, когда твой отец дал нам свое благословение, – и я прочел эти слова, мне показалось, будто мама рядом и тоже благословляет не только меня, но и тебя. Она с радостью приняла бы тебя в качестве дочери.

Глядя мне в глаза, он взял мою левую руку. Я хорошо его знала, чтобы оценить, насколько он серьезен, какими важными будут следующие слова. Его отчужденность днем, в импровизированной лаборатории, была самозащитой, он готовился открыться больше, чем труп, который мы исследовали.

Я сидела неподвижно, как будто любое неожиданное движение могло спугнуть Томаса.

– Это кольцо – дар от моей матери, который достался ей от ее матери и так далее. Когда-то оно принадлежало Владу Дракуле. – Не отрываясь от моего взгляда, он кивнул на кольцо. – Теперь оно твое.

Мои руки покрылись гусиной кожей, и Томас тут же это заметил.

– Я пойму, если ты предпочтешь другой бриллиант. Наследство моей семьи весьма…

– Грандиозно и невероятно.

Я сжала его лицо в ладонях, почувствовав легкую дрожь. Я знала, что это не из-за воды. Томас Кресуэлл все еще не верил, что достоин любви. Считал свое происхождение сродни страшному проклятью. Я думала, что к концу нашего путешествия сюда он избавился от этих сомнений. Но похоже, некоторых чудовищ победить сложнее.

– Томас, у меня мурашки, оттого что ты поделился со мной своими самыми глубокими страхами, это большая честь. – Вместе с этим кроваво-красным алмазом он отдал мне еще и кусочек своего сердца. Дар более редкий и дра-

гоценный, чем камень, который он хотел надеть мне на палец. – Я буду носить его с гордостью и всегда дорожить им.

Я сняла мамино кольцо, перенесла его на другую руку и с колотящимся сердцем следила, как Томас надел семейную реликвию на мой безымянный палец. Кольцо подошло, словно предназначалось именно мне. Томас поцеловал каждый мой пальчик, потом завел мою руку себе на шею, не заботясь о том, что я промочу его рубашку.

– Я люблю тебя, Одри Роуз.

Без подсказки я обняла его второй рукой. Теперь мои плечи полностью выглядывали из воды, и я была опасно близка к тому, чтобы показать еще больше, но мне было все равно. Крепко прижимавшееся ко мне тело Томаса было одновременно щитом и утешением.

– Я люблю тебя, Томас.

Мы поцеловались, и, клянусь, земля задрожала, а звезды загорелись ярче. Томас освободился из моих объятий, но лишь на мгновение, чтобы полностью одетым запрыгнуть в ванну и притянуть меня к себе на колени. От неожиданного, но желанного прикосновения меня охватил жар.

– Ты с ума сошел? Я же не одета! – прошептала я, смеясь, когда он нырнул под воду и отряхнулся, как собака. Меня окатило брызгами. – Моя тетя умрет от скандала!

Томас убрал прядь волос с моего лица и медленно провел губами от моего подбородка до уха и обратно, целуя обнаженную кожу, пока мне не стало казаться, что мы сидим,

объятые огнем, в котором дотла сгорают все мои страхи и волнения.

– Тогда мы должны вести себя очень тихо.

Когда Томас поднял меня выше, я потерялась в его глазах и, откинувшись назад, запустила пальцы в его мокрые волосы. Он смотрел на меня как на богиню, как будто я огонь, и магия, и чары, воплотившиеся в человеческом обличье. Я провела пальцем вниз от его воротника и, дразня, расстегнула верхнюю пуговицу. Мне вдруг захотелось увидеть больше, стало острой необходимостью. Я стянула с него сюртук, оставив рубашку, хотя с тем же успехом могла снять и ее. Насквозь мокрая, она оставляла мало простора для фантазии. Сквозь ткань на груди проступило неясное изображение. Я наклонилась ближе.

– Что это?

Томас посмотрел вниз, как будто не понимая, о чем я, и пожал плечами. Он расстегнул несколько верхних пуговиц и распахнул рубашку, открыв татуировку. Они стали весьма популярны среди высшего общества, но я не думала, что ему интересна такая мода. Не то чтобы я возражала. Татуировка… манила. Я коснулась ее пальцами, стараясь избегать покрасневшего контура, который указывал на то, что татуировка свежая. Томас пристально следил за мной, пока я рассматривала рисунок.

– Череп и роза? – наконец спросила я. – Очень красиво. Что они значат?

– О, много чего. – Выдохнув, он с самодовольной улыбкой откинулся назад. – По большей части это исследование контрастов: свет и тьма, жизнь и смерть, красота и увядание.

Он задумался.

– Для меня она также символизирует добро и зло. Расположение над сердцем показывает, что любовь побеждает все. И естественно, я всегда должен носить на теле розу. – Он поцеловал меня, медленно и чувственно, словно чтобы удостовериться, правильно ли я поняла его намек. – Когда ты увидела татуировки князя Николае, то показалась заинтригованной, из этого я сделал вывод, что тебе понравится. Надеюсь, это правда.

Я озадаченно посмотрела на него.

– Ты можешь расписывать свое тело, как пожелаешь. Тебе не нужно для этого разрешения.

– По правде говоря, я надеялся, что это станет поводом снять с меня рубашку.

Я расплылась в улыбке. Томасу нравилось говорить мне шокирующие вещи, чтобы проверить мою реакцию. Не существовало причин, по которым я не могла бы быть с ним в этом на равных.

– Кресуэлл, если ты считаешь, что мне не хватает мотивации, должно быть, твои дедуктивные способности не так хороши.

У него отвисла челюсть. Безмерно довольная, я поцеловала татуировку у него над сердцем. С татуировкой или нет,

Томас Кресуэлл принадлежит мне. Когда он тихонько охнул, я накрыла его губы своими, полностью завладев им.

Глава 12. Сюрприз на день рождения

Бабушкина приемная
Пятая авеню, Нью-Йорк
23 января 1889 года

– Я так рада вас видеть! – Я сжала в теплых объятиях сначала Дачиану, а потом Иляну. – Я страшно скучала по вам обеим. Прошу, садитесь.

Я показала на кушетку.

До вечеринки в честь дня рождения Томаса оставалось несколько часов. Я хотела провести это время с девушками за чаем. Невольно вспоминалось, когда множество раз тетушка заставляла меня устраивать чаепития, и как неловко я себя при этом чувствовала. С настоящими подругами все иначе.

– Как дела в академии после всего, что случилось? – поинтересовалась я.

Иляна притворялась горничной, чтобы помочь найти убийцу в замке Бран и его окрестностях. Там мы познакомились, и мне казалось, что после нашей последней встречи прошли века, а не недели.

Иляна примостилась на краешке кушетки, а Дачиана уселась рядом с ней.

– Они вполне оправились. Молдовеану как всегда обходи-

телен со своими студентами.

Я улыбнулась. Это было мягко сказано, учитывая то, что директор был так же приятен, как шевелюра, кишащая вшами. Я налила гостьям чаю.

– А что Орден Дракона?

Дачиана взяла чашку «Эрл Грея», и ее глаза вспыхнули.

– Это всегда интересно. А если вы с Томасом присоединитесь к нам, станет вдвойне любопытнее. Знаю, что раньше он не так уж сильно вникал в это, но мы бы хотели заполучить вас обоих. Дел так много, мы просто перегружены.

Хотя предложение было соблазнительным, я не хотела вступать ни в какую организацию, даже в тайный орден, который так же стремится вершить правосудие, как и я. Нам придется ездить туда, куда призовет Орден, и внедряться, как Иляна. На борту «Этрурии» я узнала, как тяжело работать под прикрытием, и поняла, что актерским талантом не обладаю.

– Буду иметь в виду, хотя вам не следует особенно на меня рассчитывать, – осторожно ответила я, не желая обидеть. – Мне довольно занятий судебной медициной. Но если понадобится, я всегда готова выслушать и дать совет.

Дачиана поставила чашку и опять обняла меня. Я стиснула ее в ответ, борясь с внезапно навернувшимися слезами.

– Присоединишься или нет, но, пожалуйста, приезжай в Бухарест. В доме одиноко без тебя.

В комнату вплыла Лиза, неся в каждой руке по малень-

кой коробочке в золотой фольге. Она потрясала коробочками, словно военными трофеями.

– Кто хочет шоколада?

Большую часть утра мы провели, беседуя о нашей работе и жизни, и Лиза заставила их рыдать от хохота, рассказывая о своих авантюрах в провинции. Впервые за долгое время меня окружала шумная счастливая семья. Смерть и печаль не имели доступа в это священное пространство – это было время смеха и благополучия. Я хотела поймать этот момент и навсегда сохранить в сердце. Но смутное предчувствие подсказывало, что долго это не продлится.

* * *

Я взглянула на часы в приемной. Сердце билось в такт с секундной стрелкой, отсчитывая мгновения. Я уже дважды проверяла столовую – все идеально. Зажаренный поросенок гордо возлежал на ложе из трав. Но подлинной жемчужиной были столики с десертом.

Здесь возвышались горы птифуров, тортов, нежно-розовое, льдисто-голубое, бледно-желтое и зеленое французское печенье «макарон». Шеф-повару даже удался потрясающий сиреневый оттенок, какого я никогда прежде не видела. Здесь были лимонные пирожные с лавандовым кремом, пудинги, булочки с корицей, густо покрытые глазурью, и засахаренные сливы. Я также распорядилась, чтобы позже вы-

несли фруктовую корзину с мороженым на серебряном подносе, украшенную листьями папоротника. И это было не все мороженое, которое я заказала, – я придумала лебедя почти в натуральную величину, чтобы добавить столу немного оригинальности. Превосходное разнообразие десертов для ненасытного сладкоежки.

– Мисс Уодсворт?

Я повернулась на голос дворецкого.

– Да?

– Только что пришло.

Он протянул мне плотный кремовый конверт без обратного адреса. Я вскинула бровь.

– На штемпеле прошлая неделя, – сказала я, переворачивая конверт.

– Работе почты мешала погода, мисс Уодсворт. – Затянутой в перчатку рукой дворецкий показал на величественный секретер. – Нож для вскрытия писем в верхнем ящике.

– Спасибо.

Дождавшись, пока он закроет дверь, я подошла к изысканному секретеру. Как и вся мебель в бабушкином доме, он был украшен золотыми завитушками. Я нашла нож для писем и разорвала загадочный конверт.

«Мы так давно не виделись, но не волнуйся, скоро встретимся. Будь готова».

Я перевернула карточку в поисках указаний на отправителя, но их не было. Две одинокие строчки. Почерк я не узнала, но, похоже, он женский, если такие особенности можно верно определить по чернилам на бумаге. Я отругала себя за то, что сожгла предыдущее письмо. Теперь невозможно проверить, отправлены ли они одним и тем же человеком.

Дачиана с Иляной отправились покупать подарки Томасу, так что спрошу их, когда вернутся. Если на почте задержки, то, возможно, они просто приехали раньше письма. Я выдохнула. Это самое вероятное. Из-за волнений по поводу дня рождения Томаса и оглашения нашей помолвки у меня разыгралось воображение.

Успокоившись, я вернулась в столовую, чтобы проверить все еще раз. Вошла тетушка Амелия и окинула комнату внимательным взглядом, подмечая каждую деталь. Я начала теребить перчатки, но тут же одернула себя. Праздник будет успешным, потому что мы поздравляем Томаса. Тетушка не подозревала, что мы также собираемся поделиться новостями. Я не хотела испортить ей вечер несварением желудка из-за незначительной складки на скатерти.

Единственное, что мне запомнится из сегодняшнего вечера, – то, что я буду окружена близкими. Десять лет спустя я вспомню бабочек в животе и тихое предвкушение торжественной демонстрации праздничного стола вместе с моим кольцом.

Ободренная тем, что на самом деле имеет значение, я оки-

нула комнату таким же цепким взглядом, каким осматривала покойников. В лаборатории я уверена в себе, значит, и здесь могу быть такой же. Почему бы мне не соединить эти две стороны моей жизни.

– Правда мило? – весело спросила я.

Тетушка поджала губы, но кивнула.

– Томасу понравится жареный поросенок. Хотя я подозреваю, что его больше очаруют сладости.

Я показала тростью на столик, полный десертов со всего мира.

– Он даже может совсем пропустить основное блюдо.

Тетушка Амелия сделала глубокий вдох. Очевидно, идея есть только сладости нарушала все правила светского общества, хотя она была слишком хорошо воспитана, чтобы возражать, если Томас пожелает ужинать одной только выпечкой. Он стоит выше всех в этом доме, хотя никогда не вел себя в соответствии с титулом.

Тетя деликатно прочистила горло.

– Лебедь из мороженого исключительно хорош. Изготовлен с невероятным искусством. А зернышки для глаз… – Она облизнула губы, похоже, с трудом подбирая следующие слова. – Просто чудо. Уверена, такое мастерство произвело бы впечатление даже на ее величество.

– Спасибо.

Я вспыхнула, довольная похвалой, заслуженной с таким трудом, и подошла к скульптуре. Лебедь в натуральную ве-

личину был великолепен. Лиза упрекала меня за излишние хлопоты, но результат оказался потрясающим.

– На самом деле это кусочки лакрицы. Я нанимала еще и кондитера.

Это замечание впечатлило тетушку. Она одобрительно подняла подбородок.

– Прелестный штрих. А винную карту ты смотрела? Тебе придется тщательно подбирать вина к каждому блюду. Хотя… – Она постучала по скатерти пальцами в перчатках. – Наверное, ты не захочешь сегодня подавать красное.

Я предоставила кузине полную свободу в выборе вин. Сама же сосредоточилась на заказе шампанского и лепестков роз для тостов. Я не знала, что тетя против красного. Не успела я об этом расспросить, как она продолжила, сморщив нос:

– Не стоит напоминать о крови. Особенно после этой ужасной статьи.

Я резко переключила внимание на тетю.

– Какой статьи?

Явно раздраженная тем, что ей пришлось об этом упоминать, она подошла к буфету и сунула мне газету под нос. У меня слегка дрожали руки, пока я читала заголовок.

ЗВЕРСКОЕ УБИЙСТВО

Очередное преступление в стиле Джека-потрошителя в Нью-Йорке

Не дав мне дочитать этот ужас, она вырвала у меня газету.

– Я скажу дворецкому насчет вина. Ты уверена, что все остальное готово?

– Да, тетя.

Ответ прозвучал сухо даже для моих ушей, но я боялась, что иначе с меня слетит маска деланого спокойствия. Это был кошмар. Не важно, насколько далеко я уехала и как усиленно старалась выбросить его из головы, Джек-потрошитель преследовал меня, вторгаясь во все сферы моей жизни. Прежде чем тетя продолжила трепать мне нервы, я поклонилась.

– Прошу прощения, мне нужно подышать свежим воздухом, пока не началось торжество.

* * *

Маленький сад за бабушкиным домом со всех сторон окружали здания, надежно укрывая его от чужих глаз. По стенам вился припорошенный снегом плющ, и я представила, как он оживает и цветет летом, покачиваясь на ветру с Гудзона.

Мысли очень быстро потекли в зловещем направлении. Я представила, как эти побеги оборачиваются вокруг шеи ничего не подозревающей жертвы и душат, прежде чем в ее кожу жадно вопьются шипы и брызнет кровь. Видение стало

настолько реальным, что я почти ощутила знакомый медный запах.

– Джек-потрошитель и правда здесь, – прошептала я самой себе.

Дыхание вырвалось облачком пара. Я содрогнулась при мысли о том, на что способно мое воображение теперь, когда Джек-потрошитель снова взялся за старое. В прошлый раз мне мерещились оборотни и вампиры.

Мое внимание привлекла бледная мраморная статуя ангела, испугавшая меня своими размерами. Я выровняла дыхание, упрекнув себя за нервозность. Статуя терялась на фоне снега и каменной стены, но присмотревшись внимательнее, я удивилась, что не сразу заметила такое величественное изваяние.

Перья были тщательно вырезаны, раскинутые крылья напоминали голубя в полете. Снег скользил по лицу ангела, словно слезы. Печаль на его лице заставила меня усомниться в том, что это в самом деле ангел. Возможно, падший.

О его приходе меня предупредил звук шагов. Я быстро взяла себя в руки, надеясь, что остатки дрожи можно списать на холод, и с нейтральным выражением лица повернулась к Томасу. Я знала, что не одурачу его улыбкой, но ведь мое беспокойство можно легко отнести на счет праздника. Он знал, что со скальпелем я управляюсь лучше, чем с провозглашением тостов, и обожал меня за это еще сильнее. Я удивилась тому, что он не один.

Следом за ним трусил черный как ночь кот. Я посмотрела на него прищурившись и заметила белое пятно на шее.

– Кресуэлл, за тобой идет кот.

Я поискала взглядом метлу или еще что-нибудь, чтобы прогнать животное. В качестве последнего средства я постучала по земле тростью. Кот раздраженно дернул ушами и посмотрел на Томаса. То ли у меня разыгралось воображение, то ли животное собралось напасть.

– Он сейчас прыгнет на тебя.

– На самом деле он ждет приглашения. Смотри.

Томас хлопнул себя по плечу. Кот без колебаний прыгнул прямо с земли и, пристроившись на плече Томаса, самодовольно уставился на меня.

– Уодсворт, познакомься с Сэром Исааком Мявтоном. Сэр Исаак Мявтон, это та самая особа, о которой я тебе рассказывал. Будь с ней милым, или больше никаких почесываний живота не дождешься.

Я открыла рот и тут же захлопнула, потеряв дар речи. По крайней мере я больше не падаю в пропасть Джека-потрошителя… Томасу опять удалось спасти меня от гибели. Разве что сейчас он об этом не знал.

– Сэр Исаак Мявтон? – Я закрыла глаза. – Ты серьезно думаешь, что я буду так обращаться к этому существу? Где ты его нашел?

– Глупости. Ты же не называешь меня его королевское высочество лорд Томас Джеймс Дорин Кресуэлл? Сэр Исаак

вполне адекватен. Он нашел меня в нескольких кварталах отсюда. Он управляется с гравитацией лучше своего тезки.

Скоро я начну называть Томаса Королевской Занозой в моей заднице.

– Мы не можем держать это животное.

– Сэра Исаака, – поправил Томас.

Я вздохнула.

– Мы не можем держать Сэра Исаака. Мы же все время путешествуем.

Томас нахмурился. Я думала, он увидит логику в моем утверждении, но, очевидно, ошиблась.

– Думаешь, я его брошу? Смотри, какие у него смышленые глаза. – Он погладил кота, по-прежнему сидевшего у него на плече и настороженно смотревшего на меня золотистыми глазами. – Ты же не откажешь мне в моем единственном настоящем желании в день рождения?

– Я думала, что мое присутствие – твое единственное настоящее желание, – вкрадчиво заметила я.

Он состроил гримасу.

– Представь: ты приходишь домой после целого дня работы, снимаешь окровавленный фартук, берешь кружку горячего чая. И вот тебе на колени запрыгивает Сэр Исаак, крутится раз, два, возможно, три, прежде чем свернуться теплым пушистым клубочком. – Он почесал кота за ухом, отчего тот замурлыкал так громко, что, наверное, переполошил соседей. – Разве привязанность кота и хорошая книга – это

не идеальный вечер?

– Это все, что я должна представить? Если вечер идеальный, то как в него вписываешься ты?

– Ты будешь сидеть у меня на коленях, а Сэр Исаак у тебя.

Придержав кота, Томас быстро увернулся от снежка, который я в него швырнула.

– Что? Я представляю наше будущее!

Я стряхнула снег с перчаток и сдалась.

– Ладно. Сэр Исаак остается. Полагаю, он теперь Кресуэлл-Уодсворт.

С лица Томаса исчезла беспечность.

– Ты хочешь добавить мою фамилию к своей? Я не подумал – ты этого хочешь?

Я подобрала с перчатки воображаемую пушинку и ответила уклончиво:

– Нет, не думаю, что возьму такую фамилию. – Я перевела взгляд на его лицо, заметив, как по нему пробежало и сразу исчезло легкое разочарование. Я улыбнулась. – По крайней мере её часть.

Он быстро поднял голову, в трещине его эмоциональной брони мелькнула надежда. Его реакция только сильнее укрепила мое решение.

– Значит ли это…

Я прикусила нижнюю губу и кивнула.

– Я много думала об этом. Если бы мне не предоставили выбора, было бы иначе. Но я… Я не знаю, как это описать.

Я хочу разделить с тобой имя. Томас мне не очень подходит, хотя из тебя бы вышла прелестная Одри Роуз.

Он заливисто расхохотался. Кот изогнул хвост и спрыгнул на землю, возмущенный тем, что перестал быть центром внимания Томаса. Немного успокоившись, мой любимый подошел ближе и взял меня за руки.

– Я возьму твою фамилию, если хочешь.

Он был серьезен. Я обняла его и слегка поцеловала.

– Вот почему я буду счастлива стать Кресуэлл. А теперь идем. Нас ждет вечеринка, и нам предстоит сделать довольно забавное объявление. – Я посмотрела на кота. – И ты тоже, Сэр Исаак. Идем с нами. Мне нужно переодеться, и я уверена, что найду для тебя красивую ленточку.

О боже, похоже, кот оживился при этой мысли. Он Кресуэлл до кончиков когтей.

Глава 13. Переполох

Бабушкина столовая
Пятая авеню, Нью-Йорк
23 января 1889 года

Я взяла Томаса под руку и повела его в столовую, где собрались наши родные. Мой жених внезапно остановился, разглядывая столы с десертами, так что я едва не споткнулась. На его плече зашипел Сэр Исаак Мявтон, сердясь то ли на льдисто-голубой шелковый бант, то ли на резкую остановку. Он спрыгнул на пол и, обогнув нас, направился прямиком к миске со сливками, которую я приказала поставить для него.

– Ты прекрасная, умная, чудесная женщина, – потрясенно прошептал Томас и, зачерпнув пальцем глазурь с ближайшего пирожного, сунул ее в рот.

Я покачала головой. У него манеры бродячего кота и нрав ребенка.

– Боже мой. Это глазурь из эспрессо? Я никогда… – Он посмотрел на меня своим фирменным взглядом. – Твое произведение?

– Только идея… Я знаю, как ты любишь кофе, и он так хорошо сочетается с шоколадом…

Томас начал целовать меня, крепко и глубоко, остановив-

шись, только когда кто-то в другом конце комнаты откашлялся. Мы отпрянули друг от друга и, залившись краской, смущенно помахали родным. Тетушка Амелия цокнула языком. Вероятно, кашляла тоже она.

– Спасибо, что пришли на день рождения Томаса, – сказала я, когда мы расселись за большим столом из красного дерева. – Давайте поднимем бокалы. Мистеру Кресуэллу теперь восемнадцать. Если бы только его мудрость хоть чуть-чуть соответствовала возрасту.

– Одри Роуз, ты можешь ждать этого целую вечность. – Ласково улыбнувшись, Дачиана ткнула брата локтем. Вокруг стола раздались смешки.

Мы угощались жареным поросенком и картофелем с травами, начисто позабыв о надлежащем протоколе насчет того, кому с кем полагается разговаривать, и просто наслаждались обществом друг друга. Когда начали подавать десерты, Томас привлек мое внимание и поднял бровь. Пора.

Я посмотрела на лица близких, и внезапно волнение вернулось с удвоенной силой. Я не знала, почему во рту пересохло, а сердце забилось в три раза быстрее. Эти люди любят нас, они не станут осуждать. И все-таки я никак не могла успокоить пульс. Нам подали последние сладости, и мне ничего не оставалось, кроме как встать и объявить о нашей помолвке. Все было по-настоящему, и я…

Томас взял меня за руку под столом и переплел наши пальцы так же, как в скором времени переплетутся наши

жизни.

Он ободряюще сжал мою руку, потом отпустил её и встал, подняв бокал вина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.